

4 СМЕНА

Избран делегатом съезда комсомола
Борьба за качество или показуха?
Солдаты границы. Фотоочерк
Открытия поэтического конкурса
Е. Добровольский. «Черная Калитва»
Валерий Леонтьев. Пути на эстраду
Юрий Нагибин о поэте Мандельштаме
Д. Уиндем. «Отклонение от нормы»
Мода из Самотечного переуллка

Делегат XX съезда ВЛКСМ, сталевар.

Николай Жигулин:

«КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ?»

Перечитываю проект Устава ВЛКСМ с предлагаемыми изменениями. Сейчас он активно обсуждается и в первичных организациях, и в комсомольской печати. Каждая строка этого документа требует серьезного осмысления, нового подхода ко всем сторонам жизни и деятельности Союза молодежи. Чем внимательнее вчитываешься в положения Устава, тем яснее понимаешь, какая огромная ответственность ложится на плечи молодых.

«Член ВЛКСМ обязан...» — далее следуют емкие слова о том, каким должен быть комсомолец, что он призван отстаивать, защищать, с чем непримиримо бороться. Почему же в повседневной жизни некоторые комсомольцы забывают об этих требованиях, идут на компромиссы, а то и на прямое нарушение Устава? Откуда это уже не раз осужденное расхождение между словом и делом?

Особенно тревожит меня потребительское отношение к комсомолу.

Причем у иных оно проявляется открыто, я бы сказал, агрессивно. «Что мне дает комсомол?» — этот вопрос и дело слышишь в молодежной аудитории. Легче всего отмахнуться, назвать это демагогией и закрыть тему. Но когда встречаешься с ребятами в цехе или общежитии, в школе или клубе, от ответа не уйти. Находятся и такие, которые спрашивают, как говорится, в лоб: «Ты член ЦК, скажи честно, что ты за это имеешь?» Подразумеваются определенные льготы — или внеочередное получение

квартиры, или доступ к дефициту, или еще что-то в этом роде.

Непросто бывает убедить какого-нибудь «знатока», что общественная работа не приносит материальной выгоды. Если говорить о жилье, то свою «малосемейку» я получил, как и все, в порядке очереди, а до этого семь лет жил в общежитии. Никакого «блата» или родства «в сферах» у меня не было и нет. Все, чего я достиг, может добиться каждый, если, конечно, будет работать на совесть и не жалеть личного времени для общественных дел. Так скажу: ничья «сильная рука» не поможет, если у самого все валится из рук.

И все же мне крупно повезло. Я вырос в деревне, родители с самых ранних лет приучили меня к труду, к полной ответственности пусть за маленький, но свой участок домашнего хозяйства. Бывало, мальчишки зовут на улицу, и тебе так хочется пойти с ними, но вспоминаешь наказ матери и берешься за работу. Надо было накормить кур, прополоть грядки. Забот хватало.

Повезло мне и с армейской службой. Два года на границе очень много значат. Когда идешь с оружием в руках берегом реки — на том берегу чужое государство, а за твоей спиной Родина, — это чувство, как ничто другое, формирует молодого человека, делает его настоящим гражданином и патриотом своей страны.

Не только на себе испытал это. В нашем цехе работают семь парней, проходивших службу в Афганистане. Они выделяются среди своих сверстников более пристальным взглядом на жизнь, зрелым отношением к работе. С ними легко находишь общий язык.

«Трудно там было?» — спросили однажды у машиниста крана Сергея Корышева, награжденного медалью «За отвагу». Сергей спокойно ответил: «Конечно, трудно. Но ведь кто-то должен быть и там».

Не прятаться за спины товарищей, не сваливать на других то, что можешь сам, — так, считаю, надо действовать всем. Но слишком долго в ходу была другая привычка — «не высказываться», а если кто-то и решится высказать свое мнение, то не на собраниях, а где-нибудь в «курилке». Удобная позиция: и для начальства ты хорош, и среди ребят прослыть «критически мыслящим» человеком.

Строили, к примеру, в нашем цехе систему вытяжки на аргоновых установках. Многие видели, что она мало-

мощна, не будет работать как надо. Кое-кто из рабочих прямо говорил об этом. Но в ответ прозвучал начальнический окрик: «Не твоё дело». Построили, а теперь придется все переделывать заново.

Где уж тут быть чувству хозяина, если вольно или невольно навязывалась психология «маленького человека», когда участие молодых рабочих в управлении производством лишь декларировалось, да и поныне зачастую остается только благим пожеланием. Потому-то сейчас, в условиях разразившейся перестройки, самое главное, самое трудное — перестроить свое сознание, свое отношение к общим проблемам.

Увы, старая привычка не вмешиваться все еще дает себя знать. И сам, бываешь, смалодушничает, смолчишь. Оправдание всегда найдется: то ли еще не зажили шишки, полученные за критику, то ли удерживает довод «мудрых»: «Тебе что, больше всех надо?» В такие минуты идет мучительная борьба с самим собой. Решается важный вопрос, а ты напряженно ждешь, кто же встанет и скажет правду. Но все молчат. Кто же, если не ты?..

Отношения с администрацией — пожалуй, самое больное место для комсомольской организации. Особенно когда дело касается создания комсомольско-молодежных коллективов. Вот и в нашем цехе нередко перебарщивают ребят из одной бригады в другую, с одного агрегата на другой. Стабильный состав молодежного коллектива остается лишь на бумаге. И все это объясняется производственной необходимостью. Но слишком ли универсальное оправдание для хозяйственников?

Тот же довод приводится, когда комсомольцам предлагают выйти на субботник, чтобы залатать какие-то производственные прорехи. Но как только доходит до распределения жилья, путевок, комсомол иногда «забывают» пригласить. Конечно, тут комсомольской организации, ее секретарю надо проявить твердость. Но, к сожалению, не каждый вожак способен отстаивать интересы молодых. Чаще видишь секретаря в роли робкого просителя.

Очень хорошо, что в проекте Устава более четко определен круг вопросов, решать которые должна первичная. Это и участие в управлении делами предприятия, и поощрение, премирование молодых рабочих, распределение для них жилья, мест в общежи-

тиях — я бы добавил: и мест в детсадах и яслях. Молодые семьи в этом кровно заинтересованы.

Радует то, что сейчас самым серьезным образом взялись за проблемы трудового воспитания, распределения по труду. Без этого, кстати говоря, никакое воспитание немыслимо. Мы, рабочие, это хорошо видим. Порой кажется, слишком легко достаются некоторым имитаторам трудового энтузиазма социальные блага, которыми располагает наше общество. Выгоним из своего коллектива злостного прогульщика, а он, глядишь, уже устроился в другом цехе. Работает все так же ни шатко ни валко и не тужит. Значит, жизнь его не бьет, а надо, чтобы била, и крепко.

У нас нет безработицы, но уравновешенная, которая еще имеется, на руку лишь нерадивым. Получается, что работаем за себя да еще за какого-нибудь «умельца-захребетника. Разве это справедливо? Какой урок извлекает из этого молодежь?

Не секрет, что подобное потребительство начинается в семье, где трудом пугают, как буквой, в школе, когда отъявленным лентяям ставят незаработанные тройки. Какое отношение у человека к учебе — такое и к работе. Рассчитывать на чудесное превращение закоренелого лодыря в труженика не приходится.

Ведь как бывает: парень еле-еле окончил восьмилетку, идет в ПТУ. Там палец о палец не ударит, а стипендию получает — у нас в отрасли она немаленькая. Служит в армии — ему сохраняется рабочий стаж. А вернется, месяц, другой потолкается в цехе — и след простыл: нашел что-то полегче. Вот и выходит: за все это время парень ничего не дал обществу, только брал. И никто его не остановил. Он и в дальнейшем будет искать и находить разные лазейки.

Сколько ж надо потратить сил, времени, чтобы сделать из такого вот юного потребителя рабочего человека! Очень сложное это занятие. Но все-таки при желании и терпении рабочему коллективу, комсомольской организации удастся повлиять на новичка, заставить его задуматься, помочь преодолеть себя, стать лучше. Не без гордости замечу: есть на комбинате ребята, которые считают меня своим наставником.

Больше, понятно, помогают не словесные призывы, а личный пример, открытые, товарищеские отношения.

Вот, скажем, недавний случай. Молодые рабочие некачественно подготовили машину для приема металла. Хотя я, как старший оператор установки непрерывной разливки стали, не раз им напоминал. Почему же не проконтролировал? Но ведь людям и доверять надо. Короче, вышел брак, меня наказали. Я видел, как искренне переживают мои напарники, как казнят себя за свою промашку. Обсудили мы этот эпизод, и теперь, я уверен, подобное уже не повторится.

Правильно говорят: рабочая совесть — лучший контроль. Именно на нее, нашу совесть, и опирается госприемка — на Новолипецком металлургическом она введена с начала года.

Качество продукции неотделимо от уровня нравственности. Как только об этом забывают, перестают видеть за производственными показателями конкретных людей, срывает неминуемы. Иначе чем объяснить, что молодой бригадир, чье имя гремело на весь комбинат, попал в вытрезвитель.

Или другое, когда передовая комсомольско-молодежная бригада в полном составе демонстративно не является на комсомольское собрание. Эти факты известны комсомольскому активу НЛМК.

Погоня за «охватом», бумаготворчество, тяга к громким рапортам — все это только вредит делу. Лишь бы «галочку» поставить, а там хоть трава не расти.

Такие «формы» работы с молодежью давно пора сдать на свалку. Поворот от формы к сути — это сегодня главное в перестройке всей комсомольской деятельности.

Потребительство, пассивность, безответственность — известно, на какой почве произрастают эти сорняки. У комсомола, думается, есть силы и возможности с корнем вырвать их из молодежной среды. Ну, а начинать надо с себя. Вот почему важно, чтобы каждый комсомолец, каждая первичная организация действовали так, как того требуют дух и буква Устава ВЛКСМ, основного закона комсомольской жизни.

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ,
специальный
корреспондент
«Смены»

В прошлом году бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление о работе комсомольских организаций Латвии по привлечению молодежи к повышению технического уровня и качества выпускаемой продукции. В постановлении, в частности, отмечается, что на многих предприятиях почти половина молодых рабочих не знает, какова доля брака, как оценивают потребители их продукцию. Не дается принципиальной оценки бракоделам, штабы и посты «Комсомольского прожектора» не стали действенными заслонами на пути бракованных изделий.

ОКАЗУЖА

Представьте, что у вас есть, например, соха. Вчера она была сплошь деревянная, а сегодня вы ей приделали железный наконечник. Да и тот тяп-ляп, на честном слове держится. И довольны: модернизацию провели, техническую революцию совершили! Окружающие восхищены вашими деловыми качествами, примером для подражания считают...

Конечно, любое сравнение условно, но все же... В латвийском городе Резекне о заводе «Электростройинструмент» у многих сложилось мнение как о передовом и самом лучшем предприятии. И не случайно. Восемнадцать кварталов подряд ему присуждалось первенство в соревновании среди промышленных предприятий города. На всякого рода совещаниях и заседаниях о заводе неизменно упоминали с самыми восторженными эпитетами. Даже после того, как Комитет народного контроля Латвии провел здесь проверку, один из руководителей города на страницах республиканской газеты «Советская Латвия» высказал похвальное слово в адрес лидеров этого предприятия. Смысл дифирамба сводился к тому, что они наладили на заводе гласность, чутко прислушиваются к общественному мнению при решении различных ключевых проблем, особенно когда дело касается подбора, выдвижения и воспитания руководящих кадров в духе высокой ответственности и творческой самоотдачи. В результате на могучих крыльях научно-технического прогресса завод неустанно движется от победы к победе, являя остальным предприятиям города яркий и привлекательный пример.

Если судить по отчетным цифрам, то вроде бы нет никаких оснований бить тревогу. Ну, разве не молодцы резекненские машиностроители? Отправляют на стройки и в торговую сеть ежегодно более полумиллиона различных электромашин, чуть ли не впятеро больше, чем, например, в десятой пятилетке! БАМ и Крым, Ленинград и Сахалин, Крайний Север и знойный юг — вся страна снабжается электрическими рубанками, дисковыми пилами, шлифовальными, сверлильными, долбежными и другими инструментами с маркой «Сделано в Резекне». Да что говорить! Даже на экспорт дают свою продукцию. Есть чем гордиться.

Но народные контролеры не поддались гипнозу цифр, характеризующих достижения. Тщательно проанализировав деятельность всех заводских подразделений, они поставили обоснованный и категорический диагноз: «Электростройинструмент» хронически и тяжело страдает показухой и очковитирательством.

В первую очередь это касается технического уровня и качества выпускаемой продукции.

Правда, конструкторы и технологи вовсе без дела-то не сидят и за такие слова могут очень даже обидеться. Как-никак, шестьдесят с половиной процентов изделий отмечено знаком качества! Справедливости ради скажу, что смотрятся сегодняшние инструменты значительно лучше тех, что выпускались лет 10—15 назад, поскольку какая-то модернизация все-таки проводилась. Но

как соху ни модернизируй, она все равно останется орудием вчерашнего дня...

Правда заключается в том, что за резекненским инструментом давно и прочно утвердилась репутация неконкурентоспособного. На мировой рынок с ним выходить и стыдно, и безнадежно. Правда, кое-что кое-где пока берут. Но объем экспорта составляет всего-навсего 0,3 процента от общей программы. Это примерно около ста тысяч рублей в год. Инструменты резекненского завода не выдерживают никакого сравнения с лучшими мировыми аналогами, уступая им по производительности, надежности, металлоемкости, энергопотреблению, технологическим возможностям и даже по технике безопасности.

Можно, конечно, махнуть рукой на границу: она нам, дескать, не указ. Ну, не продадим строительные инструменты на международном рынке, так раскушаем их по всем уголкам Советского Союза. Да тут вот какая незадача. В прежние годы, рассылая свой инструмент по городам и весям, резекненские машиностроители жили припеваючи и горя не знали: никто никогда не предъявлял им претензий. А нынче, когда в стране началась серьезная борьба за высокое качество и жесткую экономию, на «Электростройинструмент» косяком пошли рекламации. Претензии к бракованной продукции, помеченной почетным пятиугольником, исчисляются десятками тысяч рублей. С каждым месяцем поток рекламаций становится все более мощным. Если его не перекрыть, то ведь немудрено и захлебнуться...

Впрочем, такого рода «обратной связи» на заводе, похоже, не боятся. Выкинуть на гарантийный ремонт и штрафы за поставку брака 200—300 тысяч рублей? Подумаешь, какая важность! Не из своего же кармана. Тем более что переходящие знамена и всевозможные премии заводу присуждали как раз не за качество, а за количество. Главное — выполнить и перевыполнить, а там хоть трава не расти. Уж очень хочется, чтобы похвалили и отметили солидной премией. Ради этого можно закрыть глаза на явный брак и бракоделов. Был бы план. Если обыкновенная снисходительность к бракоделам и легкое подталкивание подчиненных к нарушениям технологической дисциплины не помогали, тогда директор завода Я. Матулис и главный инженер В. Белов сами выходили на оперативный простор и приказывали вставлять бракованные детали в недостающие до плана электрические машины. Не в том даже суть, что главный инженер в течение года отдавал 600—700 таких распоряжений, а директор — 30—40. Главное, они тем самым освобождали от мучительных сомнений многих своих подчиненных. Однажды дошло до того, что несколько более менее руководящих работников сборочного цеха подделали штамп ОТК, чтобы выпустить за ворота большую партию совершенно непригодных к эксплуатации дисковых электропил. Узнав об этом, ни директор, ни главный инженер даже ухом не повели. Никто не подвергся никакому наказанию, а сам факт остался тайной для абсолютного большинства членов заводского коллектива. Вот вам и гласность...

Размышляя об этих и других результатах проверки, я подумал о том, что народные контролеры из столицы республики все-таки не могут днеть и

ночевать на одном заводе. Есть у них дела и на других предприятиях. А вот куда, интересно, смотрит заводской штаб «Комсомольского прожектора»? Волнует ли его низкое качество продукции?

— Волнует,— сказала руководитель «прожектористов» шлифовщица Галина Пейрага.— Но мы этой проблемой не занимаемся. Вот вы сами посудите. Как я пойду уличать кого-то сегодня, если он подойдет ко мне завтра и скажет: «Ты и сама-то брак гонишь». А я его на самом деле гоню. Думаете, не умею и не хочу работать как следует? Совсем не поэтом.

Она вздохнула тяжело и грустно: — Вот вам пример. Восемнадцатого числа прибегают в бригаду начальник цеха Евгений Литвинов и старший мастер Александр Шмат. Так и так, ребята, у вас был месячный план 8600 шпindelей к электросверлилкам, а теперь новое задание — надо сделать дополнительно еще 3200. А мы, между прочим, только-только приступили к работе, потому что в первой половине месяца нам не дали заготовок, пришлось целыми днями слоняться по цеху без дела. Теперь, значит, надо наверстывать упущенное и работать по шестнадцать часов в сутки. Иначе план не выполним и никто в бригаде не получит прогрессивки. А кому охота терять 80—90 рублей? Вот и подумайте, какое может быть качество при такой сумасшедшей нагрузке?

Аварии, штурмовщина и уму непостижимые сверхурочные — это на «Электростройинструмент» вообще какая-то повальная эпидемия. В первой половине каждого месяца в заводских цехах, как правило, стоит тишина. Потом начинается...

Правда, в отчетах, которые предназначены для ЦСУ, сверхурочные почти не фигурируют, ибо по закону они разрешаются только в исключительных случаях. Например, при производстве работ, необходимых для предотвращения или ликвидации стихийного бедствия, в случае аварии или для немедленного устранения ее последствий. А тут какое же стихийное бедствие? Поэтому делается так. Где-то после двухдневной спячки и раскочки озобоченные начальники цехов и мастера бодрой рысью разбегаются по бригадам, заглядывают рабочим в глаза, просят нежно и ласково:

— Ребята, надо бы остаться после смены, маленько поднажать. Да еще неплохо бы в субботу и воскресенье. Надо! План горит...

И тонкий намек:

— А вместе с планом, сами понимаете...

Рабочие, конечно, спорят, говорят нехорошие слова в адрес снабженцев и руководителей, которые вот уже много лет подряд никак не научатся обеспечивать ритмичное снабжение. Однако кому охота терять прогрессивку? И получается, что никто рабочего не приневольно крутит в цехе по шестнадцать часов в сутки. Это вроде бы он сам такое придумал. Как патриот родного предприятия и от любви к избранной профессии. Тем более что местный прокурор по вечерам и в выходные дни в заводские цехи не заглядывает, о вопиющих нарушениях трудового законодательства ведасть не ведает. А в отчетах — полный порядок. Прямо-таки образцово-показательное предприятие в смысле соблюдения Кодекса законов о труде и заботы о рабочем человеке.

— Да какая к дьяволу забота! — кипит от возмущения обычно очень сдержанный и корректный бригадир комсомольско-молодежной комплексной бригады из первого механического цеха Анатолий Рыбкин. — Вот у нас каждый год режут расценки и повышают нормы выработки. Почему, на каком основании? Надо же прийти в бригаду, посоветоваться, создать условия для работы по новым нормам. Но никому из наших начальников это даже в голову не приходит. Называется демократия, привлечение трудового человека к управлению производством, воспитание у него

чувства хозяина... А возьмите наше оборудование. Какую точность могут дать, например, зубофрезерные станки, если радиальное биение от вращения стола превышает допустимое госстандартом в семьдесят раз! Или гидрокопировальные станки. Это же гроб с музыкой, старье и рухлядь. Их в моей бригаде десять, и четыре станка, как правило, в ремонте. На остальных, чтобы не отстать от плана, приходится работать даже по субботам и воскресеньям. Это что, порядок?

По мере того как я ходил по заводу, беседовал с людьми и копался в бумагах, вырисовывалась удручающая картина. Чтобы выглядеть красиво перед вышестоящими инстанциями, руководители предприятия из года в год взвешивали темпы производства, как говорится, гнались за собственной тенью. И настолько увлеклись этой гонкой, что было просто некогда позаботиться о постепенном и планомерном обновлении основных производственных фондов. Что же получилось в итоге? А то, что степень износа, например, металлорежущих станков сейчас составляет без малого 80 процентов. Время свое взяло, и настал час расплаты за беспечность. Тому свидетельствует — горы бракованных деталей в заводских цехах и тысячи изделий, которые возвращают разгневанные потребители. Чем дальше, тем будет хуже. Потому что Министерство строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР обещает в двенадцатой пятилетке заменить здесь не больше восьми процентов станочного парка. Это примерно около пятидесяти станков. А остальные четыреста с лишним, донельзя изношенных, уже давно морально и физически устарели? Как на них работать, добиваясь ускорения научно-технического прогресса?

В Минстройдормаше не могли не знать, в каком состоянии находится оборудование на подведомственном предприятии. Или до поры до времени усыпляли поступающие оттуда победные реляции?

Директор завода Я. Матулис, как только почувствовал приближение неприятностей в связи с приездом представителей республиканского Комитета народного контроля, написал заявление об увольнении с должности. И министр тут же отпустил его «по собственному желанию». Теперь старые проблемы, возникшие не без «помощи» министерства, придется расхлебывать новому руководителю. Неужели в одиночку?

И еще один вопрос. Семь лет назад резекненский «Электростройинструмент» первым в городе и едва ли не первым в отрасли стал внедрять у себя бригадную организацию труда. Очень скоро отсюда во все концы, в том числе и в Минстройдормаш, полетел рапорт: «Добились почти стопроцентного охвата». Министерство поспешило объявить этот завод базовым предприятием отрасли по внедрению бригадной организации труда. И что же? А ничего. С чего началось, на том и застопорилось. Никакого движения по пути совершенствования этой прогрессивной формы организации и оплаты труда, никакого намека на то, что бригадные трудовые коллективы хотя бы в малой степени становятся хозяевами на производстве. Правда, созданы советы бригадиров, которые по идее должны принимать активное участие в управлении производством. Но вот я разговариваю с молодым председателем заводского совета бригадиров Александром Щавинским.

— Наш совет бригадиров — это же самая настоящая фикция, — откровенно говорит он. — Никто с нами ни о чем не советуется, и никакого наше мнение не интересует. А если мы сами что-нибудь надумаем, то всякое доброе начинание повисает в воздухе. Вот, например, в прошлом году совет принял решение перевести на хозрасчет десять наиболее крепких бригад из ста тридцати. Составили график перехода, согласовали с директором и заручились его подписью. Ну и что? Все сроки давным-давно истекли, а дело ни с места. Не хотят наши специалисты и руководящие

работники, в том числе начальники цехов, заниматься этой непривычной для них работой, считают ее обузой.

Вот, пожалуй, образец какой-то странной игры в демократию, а проще сказать, чистейшей воды показухи. И у штаба отрасли вполне закономерно спросить: если уж объявили «Электростройинструмент» базовым предприятием по бригадной организации труда, то почему пустили дело на самотек, не довели его до конца? Или министерству тоже по душе подобные «забавы»?

После всего сказанного надо ли удивляться, что резекненский «Электростройинструмент» становится одним из самых непрестижных предприятий в городе. Особенно велика здесь текучесть среди молодежи. Кому интересно чувствовать себя только исполнителем чьей-то административной воли, работать на станках времен царя Гороха и выматываться в авральные дни штурмовщины, порожденной никудышной организацией труда?

Между тем, как подчеркнул Михаил Сергеевич Горбачев в своем выступлении на встрече с партийным активом Краснодарского края, никакие вопросы на предприятии не должны решаться без комсомола, молодежи. Ценить молодежь, ее свежий взгляд на состояние дел, использовать ее энергию, прислушиваться к ее голосу — вот как ставится вопрос.

На «Электростройинструменте» еще очень многое надо сделать, чтобы добиться этого, а прежде всего переломить психологию хозяйственников, которые слишком уж привыкли к авторитарному стилю руководства.

Однако тут ведь и от заводских комсомольцев требуется не выжидательная позиция. В городе уже давно привыкли, что комсомольская организация этого предприятия традиционно сильна своим очень бесспорным оперативным комсомольским отрядом дружинников, интересными туристскими походами и слетами, культурно-массовыми и спортивными мероприятиями. Но уж как-то очень робко и застенчиво держатся ее активисты, когда речь заходит о защите социальных интересов молодежи, создании максимально благоприятных условий для работы комсомольско-молодежных коллективов, активном участии в управлении производством. Тут скромненькое выжидание, когда тебя заметят, привлекут, окажут доверие, наделят ответственностью и самостоятельностью, вовсе ни к чему. Хватит уж. Надо действовать.

Бездействие, самоуспокоенность, формализм, стремление некоторых хозяйственников и администраторов — да и комсомольских вожаков тоже — в новое время работать по-старому должны быть изжиты. Ждем вашей помощи, дорогие читатели, пишите нам!

ПРОБЛЕМА С ИНДЕКСОМ «МОЛ»

«...легкая промышленность направляет в магазины из ста изделий лишь одно с индексом «мол». Вот почему по стране 60 процентов юношей и девушек уходят из магазина без покупки, а 42 процента из тех, кто купил вещь, ею недовольны из-за ее несоответствия современной моде».

(«Закон коммерции», «Смена» № 2, 1986)

Со времени публикации очерка, в котором ставились вопросы выпуска товаров для молодежи, прошел год. Меняется ли положение к лучшему?

Увы, данные статистики оптимизма пока не вызывают. Промышленность не спешит поворачиваться лицом к молодежи. Что касается торговли, то внешние изменения вроде бы налицо: в столицах союзных республик, в крупных областных центрах спешно открылись магазины «Товары для молодежи». Однако их торговые залы заполнены, по сути, тем же товаром, что и во всех других магазинах. Вот почему, по сведениям ВНИИКСа, даже в московском универсаме «Молодежный» число молодых покупателей составляет не более 40 процентов, а самой заинтересованной публики — подростков — всего-то три процента. Кстати, подросток легпрома и торговлей отнесен к группе детей: одежда для него и моделируется, и изготавливается по ГОСТам и преискурантам, действующим для детских изделий... И продается в «Детском мире». Но вот ведь странность: носят-то подростки чаще всего совсем не то, что для них завезли в «Детский мир».

Теперь уже очевидно, что в рамках отдельных отраслей решить проблемы удовлетворения материальных потребностей молодежи невозможно. Это убедительно доказали три года, прошедшие со времени принятия первого совместного решения Минторга СССР и Минлеппрома СССР об удовлетворении спроса населения на товары молодежного ассортимента. Индекс «мол» можно встретить на изделиях явно неходовых, а иные, вполне ему соответствующие, затеряны в общей массе товаров. Положение осложняется тем, что трудно запустить для производства товаров молодежного ассортимента обычный экономический механизм: безнравственно было бы поднимать цены на товары, предназначенные студентам, школьникам, молодым рабочим, чей материальный достаток основан главным образом на родительских дотациях.

Значит ли это, что положение безвыходное? Нет. Но требуются нестандартные решения.

Разработка, производство, продажа товаров для молодежи должны быть сосредоточены в одних руках, должны выстроиться в единую технологическую линию, стать единой отраслью. Так не подумать ли о том, что производство товаров для молодежи должно быть делом прежде всего самой молодежи? Может быть, стоит заняться созданием — для начала в пределах какого-то значительного региона — молодежной фирмы? Объединиться молодым модельерам, конструкторам, экономистам — частично на кооперативных, частично на общественных началах. Перепрофилировать какие-то швейные, трикотажные, обувные и иные производства — возможно, также на основе кооперативной.

Разумеется, это дело не на один год. Но чем скорее начать, тем скорее можно будет и увидеть плоды своей работы.

А если подключить к решению проблемы школьные цеха и заводы? Ведь есть же такой опыт.

Есть над чем подумать?

Давайте подумаем вместе. И подготовим предложения к предстоящему съезду ВЛКСМ — о формах организации шефства комсомола над производством товаров молодежного ассортимента. Ждем писем с пометкой: ИНДЕКС «МОЛ».

ЖИЗНИ БЕРЕГА

Стихи
Юрия
КЛЮЧНИКОВА

Ирина ЛОБАНОВА

Путь к поэзии непрост. Слагать же в рифму несложно, особенно в наше время всеобщей грамотности, когда любой может овладеть техникой стихосложения. Еще в Царскосельском лицее умение писать в рифму входило в программу обучения, однако далеко не каждый лицеист, учившийся с Пушкиным, стал поэтом. Ибо далеко не всё, что написано в рифму, — стихи.

Но даже если человек написал одно, два или десять хороших, пусть очень хороших, стихотворений, — это вовсе не значит, что он стал поэтом. К званию поэта предъявляются особые требования. Поэт должен обладать своим особым видением мира, неповторимой индивидуальностью. Но и это не всё. Свообразие не вправе подавлять внутреннюю правду художника, а, чтобы выявить эту правду, выразить свою личность, нужно быть Личностью.

«Если тебе есть что сказать — приди и скажи». Как проста эта формула и как одновременно сложна...

Может быть, именно этим объясняется долгий путь Юрия Михайловича Ключникова к самому себе, к поэзии. Биография его — человека и художника — необычна.

Он родился в 1930 году, поэзией увлекся рано, занимался в литературном объединении и уже в четырнадцать лет опубликовал первое стихотворение в городской газете. После окончания школы Юрий Ключников поступил на филфак Томского государственного университета. Окончив его, работал спецкором в кемеровской газете. Затем в сибирском селе Падуча учительствовал, был завучем, потом директором школы. Через несколько лет переехал в Новосибирск, стал радиокорреспондентом. Много ездил по Сибири, по всей стране. Коммунист, он в 1964 году был направлен на учебу в Высшую партийную школу в Москве. Окончив ее, вернулся в Новосибирск, где стал главным редактором радиокomiteета, затем главным редактором Новосибирской кинохроники. И вдруг он резко меняет образ жизни, бросает журналистику — должность редактора западносибирского издательства «Наука» — и идет работать грузчиком на хлебозавод.

В чем тут дело? Ведь к тому времени ему уже исполнилось 52 года. Как он сам определил, с этого периода, с 1982 года, он возвращается к поэзии. За четыре года им написаны сотни стихотворений, три работы о Пушкине. Именно эти последние годы Юрий Михайлович

считает самыми счастливыми в своей жизни.

«Творчество, — говорит Ключников, — огонь. Оно требует огромной энергии. В наши дни поэту надо быть солдатски выносливым. Работа за столом, если она становится каждодневной, поэзия, которая тоже требует многочасового сидения за столом, приводят к усталости, а усталость — к болезням. Логика проста: физически ослабленный, болезненный человек рано или поздно, исчерпав себя, становится творчески бессильным. Сейчас я гораздо крепче и выносливей, чем семь-восемь лет назад. А значит, могу больше писать, мой ум свободен. С простудой, тахикардией расстался напрочь. Труд на свежем воздухе, в жару и в крепкие сибирские морозы, запах свежего хлеба — вот великий источник физических и духовных сил. Для человека пишущего

такой или подобный режим существования в наше время, в конце двадцатого столетия, мне кажется наиболее оптимальным. Недавно и на работе повисили — перевели из грузчиков в бригады. Теперь я бригадир грузчиков-транспортников хлебозавода».

Вот таков Юрий Михайлович Ключников. Его неуемная энергия вовлекла его еще в новое дело: теперь каждый отпуск, уже четыре года подряд, он проводит на строительстве Алтайского музея Николая Рериха в селе Верхний Уймон. Музей создается на общественных началах, силами добровольцев, съезжающих на строительство со всех концов страны. Ими движет любовь к замечательному художнику. Для Юрия Михайловича Николай Рерих не только художник и писатель, но человек, чьими мыслями он восхищается, чью мужественную, трудовую жизнь ставит себе в

пример. Под влиянием идей Рериха написан цикл стихотворений «Алтайский».

«Вера в духовное будущее народа, — пишет о Ключникове Станислав Куняев, — и ощущение своего права на поэтическую проповедь — вот что движет его волей. Стихи подобного рода не просто писать и не просто печатать. Может, поэтому имя его еще мало известно широкому читателю. У него еще нет книги, лишь несколько публикаций. Но я верю: у него все впереди».

Стихи Ключникова лишены внешних изысков, просты, доходчивы. Какой бы темы ни касался автор: будь то военное детство, любовь к женщине, дому, земле, — его всегда волнуют нравственные проблемы. Его стихи гражданственны, глубоко личностны, непритуманены — это в них и подкупает.

В памяти застрял
светло и немо
Ласковый осколок тишины—
Синее саратовское небо
Самых первых месяцев войны.

Есть еще там зарева полночные,
Огненные прочерки наверх
И барак соседский
развороченный,
Точно в ключья
порванный конверт.

Паровозный дым густой и черный,
Долгий путь—
Налеты, крики, рвы...
А за Волгой вылетают пчелы
Не из туч—
из листьев, из травы.

Тихие цветочные пожары,
Жаркой дымкой
сломанная даль...
Ничего прекраснее, пожалуй,
Никогда на свете не видал.

Что еще?
Покос июньский помню,
Дальних молний частые броски.
Почтальон привозит прямо в поле
Призывные серые листки.

Медленно уходят полудети
В полутьму с медовой полосой.
Тишина. Над нами солнце светит.
На востоке сполохи грозы.

Небом этим, степью,
удивленьем,
Красотой, упавшей в сердце мне,
Я обязан маленькой деревне,
А выходит—
и большой войне.

С ними в грудь мою
вошла Россия
Бабушкиной сказкой наяву
И косой тяжелой,
что косила
Только что
подросшую траву.

Солнце и луна

Валки разнотравья покосного
Гребешь и копнишь до луны...
И что я без детства колхозного,
Без ранних трудов, без войны?!
Неловкий, ленивый, заносчивый
И прочее, прочее, прочее,
Что кожей сходило с плеча
В горячих июльских лучах.
Клубника под вилами рассыпью,
Да руки мои коротки.
Добраться бы лишь,
как до простыни,
До синей каемки реки.
Зарыться в медовую травушку,
Проспать под копной до утра!
Луна баловала, как бабушка,
А солнце, как батя:—Пора!

Танго «Голубые глаза»

На прохладе покосных вечеров
Под фальшивый и хриплый баян
Приглашали
мы взрослых девчонок
Танцевать до рассветных румян.

Голубые глаза.
Довоенная грусть.
Набегает слеза, полыхает гроза...
Примитивно? И пусть!

Ночь дышала лугами и тиной
И туманом реку устелив.
А какая луна выходила!
Точно яблоко
«белый налив».

И катила за спящие хаты,
И мотив замирал на басах,
И смотрели все мимо куда-то,
Мимо нас голубые глаза.

Фольклорный ансамбль

Сложив на животе неловко руки,
Похожие на крышки погребов,
Поют на сцене русские старухи
Про ямщика,
про Волгу, про любовь.

Плывут,
плывут раздольные печали,
Грудная хрипотца далеких дней,
Когда они
солдатками кричали
На ездовых буренок,
на коней,
С которыми делили воз и ношу,
На трактор,
ставший в поле,
Хоть реви!
На нас,
что лебедой росли,
И все же
Не обойденных
в ласке и любви.

Они порой совсем теряли силы,
Когда в годину горькую свою
По мужикам убитым голосили,
И вот теперь,
вы слышите,

Поют!
Поют, пройдя всех
преисподних круги,
Поют всем сердцем,
сердце веселя,
Поют на сцене
русские старухи,
Двужильные,
как русская земля.

Гавриле Державину

Был прямодушен,
простодушен,
Горяч,
любезен и востер.
Любил поесть,
но даже ужин
Червонной одой
ввысь простер.

Как скульптор древний,
правил хаос,
Парил под солнцем
налегке
И брел,
порою спотыкаясь,

В великом
русском языке.
И не ленился,
и не трусил
Над трудной строчкой
ждать зарю.

Но мнил важней
служенья музе
России службу
и царю.

Ей— всю любовь,
Ему— старанье,
Обоим—
правду и добро

В юстиц-делах,
на поле брани...
А после всех работ—
перо.

Короче,
был, по нашим меркам,
Совсем
непрофессионал...

Когда построим
Башню-Истину,
В музее стройки сохраним
И Воздвиженку,
и Пречистенку,
И тот бульдозер,
что по ним
Ходил в слепом ожесточении
И в ожидании добра.
Не ждем от завтра
мы прощения
За сотворенное вчера.

Мы примем все,
что с нами будет,
Рождая новый мир зари.
И нет богов,
есть только люди,
В которых ярк
свет любви.

ПРОККУМЪИ

Евгений ДОДОЛЕВ

Есть в жизни явления, которые замечать не хочется. Так спокойнее. Можно жить и делать вид, что ничего такого в нашей жизни нет. Можно. Но к чему это приводит? Помогает ли это очищению и оздоровлению нашей жизни?

...Оттого, что так долго, неоправданно долго мы молчали о наркоманах, стало ли их меньше, этих потерянных для общества людей? Спасли ли недомолвки и уклончивые полупризнания кого-либо из юношей и девушек, сжираемых жадным пламенем злого влечения, управиться с коим не под силу порой и врачам, если время упущено?..

Чем меньше внимания обращаем мы на социальные недуги, тем основательнее вырастают они в нашу жизнь, тем безнаказаннее чувствуют себя греющие руки на том, о чем стыдливо умалчивается.

Среди тех, кого в официальных документах несколько застенчиво именуют «так называемые женщины легкого поведения», встречаются и умудренные жизненным опытом сорокалетние дамы со статусом домохозяйки, и едва ли не школьницы. Представительницы самых разных профессий. И про любую из них уместно говорить «бывшая»: бывшая манекенщица, бывшая студентка, бывшая официантка, певица, доярка, медсестра... Экс-женщина. Ставшая «так называемой».

Я знал, что поздно вечером она будет высматривать добычу, прогуливаясь несчастливым, праздным шагом от телеграфа до гостиницы и обратно — от подъезда «Националя» до подземного перехода у магазина «Российские вина»...

Клара будет просеивать поток прохожих подкрашенным ситом наметанных глаз и, высмотрев в толпе мужчину посolidнее, этими самыми глазами постарается как можно доходчивее предложить себя... В этот момент сама охотница притворяется добычей. Согласно правилам игры, роли меняются как угодно, лишь цены остаются неизменными. Платят банкнотами и одновременно здоровьем своих детей, собственным будущим, собственными душами...

Отгородившись от проституции стеной молчания, мы не всегда отчетливо представляем, что за этой самой стеной происходит.

А между тем, перейдя все мыслимые рубежи стыдливости, проститутки рано или поздно преступают и рамки закона.

В качестве наводчиц они участвуют в квартирных кражах и грабежах, поставляют на черный рынок заработанные монотонной любовью вещи и валюту, часто сами спекулируют, распространяют порнографию и наркотики... Список этот грустный можно продолжить.

Однако сколь веревочке ни виться... Вот, например, Кларина подруга, Татьяна Сычева, не так давно осуждена.

Да и у многих их общих знакомых — Нади Дремлюги, Натальи Беловой, Тани Бирман и других — интимные отношения с клиентами перешли в отношения «деловые».

Вообще у ночных охотниц отношения любого рода, даже семейные, легко становятся «деловыми» связями. Неизвестная среди московских проституток Галя «Чиж» не только со знанием дела посвятила в «секреты мастерства» свою несовершеннолетнюю дочь, но и охотно пестует юных родственниц своих знакомых. Мы молчим стыдливо, а она развращает. Открыто. Не таясь. Совсем еще девчонки с ее помощью делают первые шаги по тропе ночной охоты на валютно-телесном базаре, где покупается и продается все. Именно все. Где нет ничего святого, неприкосновенного. Спекуляция, мошенничество, фарцовка — все это вполне приемлемо для тех, для кого целью жизни стала возможность тратить деньги с небрежностью средневекового вельможи.

Избыток шальных, быстро заработанных денег тратится на невообразимо дорогостоящие вещицы и сомнительные удовольствия (из показаний Н. В. Дремлюги, 1955 года рождения: «...купила черный свитер с перьями за 130 долларов... передала ему семьсот рублей на покупку наркотиков»).

Весомый и недобрый, словно булыжник, промысел «путан» (так сами себя называют женщины, сменившие свои имена на смачные клички), бултыхнувшись в тихую заводь нашего безмолвия, порождает круг за кругом волны сопутствующих преступлений, последствия которых расхлебывают, как говорится, не только правоохранительные органы, но в конечном итоге и все мы.

Чего стоит хотя бы та же наркомания в среде этих женщин? Чем оборачивается способность переступить через все рубежи стыдливости, которая для девушек, начинающих жить, становится вдруг вещью возможной? Раньше для них это было немислимим, и вдруг оказывается, что это в нашей жизни есть, что об этом молчат... А эти занимаются своим делом.

Беседа не клеилась, что называется. Пару часов назад мой знакомый, работник «Главинтуриста», позвонил в редакцию и предложил, как он выразился, «устроить пресс-конференцию» с дамкой, желающей откровенно поговорить о сложностях и преимуществах самой древней профессии при условии сохранения инкогнито, разузнать.

То, что за Клариной инициативой кроется какая-то особенная и недобрая тайна, я чувствовал, но спрашивать сразу, в лоб, как говорится, не считал нужным. Вопрос этот щекотливый я приберег под конец разговора. Вообще у меня все было продумано, как мне казалось, наилучшим образом. Но вот сидели мы лицом к лицу, и все мои вопросы звучали как-то ненужно. Ничемный, опрочетивший осенний снежок тихо таял на плоскости окна, обрезанного высоким потолком офиса...

Ну в самом деле, имеет ли значение режим ее «работы» или сумма выручки, если я никак не подберусь к ответу на вопрос «почему»?.. Ведь не ради же куса хлеба, пусть даже с маслом и икрой, продается человек? Женщина! Разве у этой икры есть иной вкус, кроме

вкуса унижения? Ведь не умирали они с голоду, не жили на улице? Все у них было, что есть у миллионов других. И возможности те же. Они выбрали свое. Что ж в этой торговле происходит с совестью? Куда ее-то девать?

— А чего совеститься-то? — В хриплом, словно со сна, голосе — искреннее недоумение. — Чай, никого не граблю, воровать не ворую. Меня, бывало... Вот как первый раз деньги брала, клянусь, забыла: Вполпына рази чо упомянешь? А как впервые ограбили меня, рассказать могу.

Она зачем-то, погасив только что зажженную сигарету, нервно закуривает вновь. Широкое, по-волжски красивое ее лицо мрачнеет, мелькает злоба в прищуренных светлых глазах.

...Напоминающий римский дворик буфет в холле «Совинцентра» был в этот час заполнен от силы наполовину. В основном Кларинными конкурентками и скачущими завсегдатаями, которые интереса не представляли.

На двух блондинах за угловым столом Клара тоже поставила крест — пьет свекольный сок, да и слишком молоды к тому же.

Пуская табачные кольца, Клара вяло переругивалась со своей давней, еще по «Арбату», соперницей. В Анжели ее раздражало все: кроткие влажные глаза, полные африканские губы — было ей непонятно, как это глуповатая девка умудряется зарабатывать не меньше ее, Клары, да и при этом еще избегает неприятностей. «Дуракам везет!» Что-то в этом роде Клара выговаривала слушающей ее вполуха соседке по столику, когда проходивший мимо них один из «братьев» (как успели уже «девочки» окрестить действительно похожих друг на друга блондинов) споткнулся о выставленную в проход ногу Анжелы...

Эти симпатичные финны оказались ребятами покладистыми. Сговорились быстро. Выпили за знакомство по бокалу шампанского, и блондинчики двинулись на улицу — ловить такси. Кларе удалось-таки провести Анжелу — она «потеряла» ее в вестибюле и, вскочив в машину, бросила водителю: «На Беговую, быстро!» — жестами объяснив скандинавам, что подруга, дескать, в последний момент раздумала.

...Ее не били. Выкрутив руки, заперли в ванной, предварительно включив там свет. Только когда она начала в полный голос, да еще со своими смачными прибаутками, описывать грядущую расправу над блондинами, один из них, приоткрыв дверь, ловко ухватил ее за челку, несильно ткнул подбородком о трубу и устало пригрозил: «Убью...» Затем свободной рукой разбил об угол раковины флакон с лосьоном и, вылив содержимое ей за шиворот, провел зубочерпачкой по шее и добавил: «Веди себя хорошо».

Виною тому то ли стекающая по спине ароматная, прохладная жидкость, то ли страх, но Клара била крупная дрожь.

Она впервые поняла, что в игре по-крупному случаются и крупные проигрыши.

Впрочем, после того как нагло щелкнул замок входной двери, Клара, выбравшись через окошко, соединяющее ванную с кухней, и устроив инспекцию в разоренной квартирке, обнаружил, что залетные ленинградские фарцовщики, работающие под финских туристов, ограничились лишь аппаратурой, дублировкой, сапогами и... порножурналами.

Я не спросил Клару, обращалась ли она в милицию.

Это не в правилах их занятий. С волками жить — по-волчьи выть.

Услугами проституток пользуются не только потенциальные обитатели не столь отдаленных мест или разного пошиба дельцы, не знающие, куда деньги девать. Совсем нет. Вот почему довольно-таки распространено нисходительно-благодушное отношение к женщинам легкого поведения.

Наркомания, болезни, просто уголовщина — обязательные спутники проституции — как-то во внимание при этом не принимаются...

Нередко можно услышать такие примерно заявления: «Ну что такого? Торгуешь телом, но ведь своим...» Ну, и так далее.

Если уж на то пошло, то подобным образом можно оправдать что угодно. Хотя ту же подпольную продажу спиртного: «Продает самогон, но ведь сам же гнал, не краденый...» А если этим самогоном отравился ваш сын, брат? А если в торговлю собой втягивают вашу дочь, сестру?

Торговля собой противоречит всем нормам нашей народной морали, всегда рассматривалась ею как тягчайшее преступление против общества, его нравственного здоровья. Вставших на этот путь избежали, как прокаженных, с ними рядом никто не хотел жить.

Лев Толстой рассматривал продажу тела не только как безнравственное, но и противозаконное нарушение Закона жизни, данного женщине, детородительнице.

Никогда не поверю заявлениям тех женщин, которые пытаются подвести под свой грязный промысел мировоззренческую основу: «Продаваясь, внутренне остаюсь в неприкосновенности».

Ерунда! Деньги заставляют их забывать не только свои имена, они вытравляют в них все человеческое. И желание набрать, вернее, наспать нужную, допустим, для покупки очередного туалета сумму застят им все на свете.

Их же кавалеры, несущие деньги на алтарь развлечений, испытывают при этом уважения к женщине не больше, чем к котлете по-киевски. Или сигаретам. Которые, кстати, тоже могут быть дешевле или дороже, с фильтром и без, в разной упаковке и с различным содержанием яда... «Минздрав предупреждает — курение опасно для вашего здоровья». Отчего же мы стыдливо молчим о том, что среди живущих с нами бок о бок людей есть такие, которые не считают для себя зазорным пользоваться живым человеком на манер платной плевательницы или чего-либо еще в

этом роде, а другие готовы терпеть, если «уплочено»?

Да, да, именно терпеть!

Не стоит обманываться насчет оплаченных страстей-мордастей. За крайне редким исключением (которое, согласно известной английской пословице, лишь подтверждает правило), дамам этим противно.

— Даже не передать словами, — кричится моя собеседница. — Чтобы понять — попробовать надо.

Попадают, само собой, и такие, которые симпатяги, при деньгах и обходительные, — продолжает она. — Такому можно и телефон оставить... Только не позвонит! — досадует Клара на такого абстрактного симпатягу, который к купленному товару относится не как к какой-нибудь штучке из «1000 мелочей», а заинтересованно, с теплом, как, допустим, к приобретенному на Птичьем рынке волнистому попугайчику или аквариумной рыбке — все-таки что-то живое, смотрите-ка, какие перышки, какие плавнички...

Но «клары» своей ущербности не ощущают. Отнюдь! Их бы вполне устроил зарубежный аквариум или золоченая клеточка, где можно чистить перышки днями напролет. Многие из них жаждут выбраться за границу, потому что на Родине им не так уютно. Да и что для них Родина? Пустое слово. Их идеалы не здесь.

— ...Работа хоть и интересная — люди там разные, кабаки, тачки, туда-сюда, но нервная. В номер пробираться — трусишь. Мало ли на кого попадешь. Из номера тоже — «свинтят» с валютой, и пошло-поехало: акты, конфискация, пятое — десятое... Ну, а уж в номере, чего там, всякое может быть. Страшно, конечно.

Клара не без удовольствия прихлопывает тираду крепким словом.

По ее уверениям, «язык испортила» она на «настоящей, ну, как у всех», работе: до недавнего времени «ночная охотница» совмещала свой промысел с работой в НИИ скорой помощи имени Склифосовского. Сутки через трое.

— Так что времени хватало. И вроде как при деле, а не просто сама по себе. Но надоело таскаться в халате-то. Мне белый цвет не идет... Короче, ушла с работы, с той, значит, а то коситься начали, пошептывать. Завидно им: вроде как санитарка, а на работу на машине прикатываю...

Клара сдавленно вздыхает.

— Ну и вообще свои кое-какие трудности появились. Ведь бывает-то всякое, такое, что и в книжках не прочтешь.

По мнению ночной охотницы, ее профессия ничем не хуже, скажем, работы врача.

— Я же излишки денег изымаю, ну вроде как дурную кровь откачиваю...

Вот так. И еще оказывается, «помогает от комплексов избавляться». Ни много ни мало. И не нужны никакие врачи, психоаналитики, службы доверия, все просто: приготовь наличные, найди целительницу поговорчивее и, если сторгуется, за сносную плату вылечишься. Есть, правда, риск заболеть чем-нибудь другим... посерьезнее. Венерические болезни — спутник ремесла.

Женщины, промышленные проститутки, либо не работают вовсе, либо устраиваются на должности, где не надо уделять работе столь драгоценное время.

Чаще же всего они просто числятся где-нибудь. Это называется «положить трудовую». Лежит себе трудовая книжка в отделе кадров, а хозяйка ее, дорогу забывшая на свое номинальное место работы, занимается в это время совсем другим делом...

Фиктивную работу находят, пусть и не с такой легкостью, как раньше, все те, кто нуждается хотя бы в формальном прикрытии нетрудовых доходов. Правоохранительные органы, ссылаясь на расплывчатость определения этих самых «нетрудовых доходов», отделяются пока лишь декларациями типа «усилить» да «улучшить». Но ведь пора и за дело браться. До каких пор мы будем миндальничать с теми, кто не только открыто попирает нашу мораль,

но и откровенно презирает всех тех, кто не желает играть по правилам их меркантильной игры?

Не в последнюю очередь с общего нашего попустительства процветают и проститутки, и дельцы от проституции, наживающиеся на сдаче им полуквартир-полупритонов, обеспечении их транспортом (особенно ощутимую лепту вносят некоторые таксисты). Не говоря уже о спекулянтах, поставляющих для любителей пошаривать вещицы по баснословно высоким ценам. К этой же братии следует отнести и взяточников, обеспечивающих лореток кооперативными квартирами вне всякой очереди, достающих им дефицитные автомашины. Процентами с постельных денег оплачиваются проход в самые популярные рестораны, путевки на престижные курорты, контрамарки на шумные премьеры, авиабилеты в сезон и так далее.

Получают мзду из рук дам полусвета и руководители (или нечистые на руку работники отделов кадров), устраивающие на фиктивную работу женщин, которые днем предпочитают отсыпаться после ночных походов. Заботясь о здоровье платных дамочек, они получают свой кусочек от замешанного на крайнем цинизме и разврате пирога.

Клара и ей подобные считают, что их доходы нетрудовыми назвать нельзя, поскольку с трудом они отождествляют трудности своего ремесла... С таким же успехом можно отнести к труженикам и «работающих» спекулянтов, и «активных» фарцовщиков, и вообще всех «деловых», зарабатывающих, как они говорят, на жизнь.

Впрочем, что значит «зарабатывать на жизнь»? Ведь не нужда, не безработица толкают ночных охотниц к гостиничным подъездам. Жадность. Духовная нищета. Желание накопить побольше, не работая. Нет, на панели охотятся именно хищницы, а не жертвы обстоятельств. Ищи, не ищи, а Сонечку Мармеладову, задавленную бедностью, не найти ни среди вызывающе-шикарных посетительниц валютных баров, ни среди постоянных обитательниц ночных вокзалов.

Хотя порой любительницы легкой наживы в свое оправдание рассказывают трогательные истории про то, как «он» бросил, оставил с близняшками на руках и желание отомстить раскрутило хмельной непристойный калейдоскоп самопродажи, а корпоративная вражда к мужчинам подтолкнула в среду профессионалок... Ну и так далее...

Статистика утверждает, что процент психических расстройств среди проституток значительно превышает средние показатели. Зависимость примерно такая же, как между потреблением табака и раковыми заболеваниями. Но ведь если от никотина действительно бывает трудно отказаться, к нему человека влечет каждой клеточкой, участвующей в обмене веществ, то бросить заниматься самопродажей ничего не стоит, если... если у тебя что-то есть за душой. Но жажда наживы вытравляет в человеке все. В этих существах остается только она. Она командует ими. Ради нее они забудут все, что угодно, все, что угодно, продадут. И кого угодно. Начав с себя. Со своих детей.

То, что продажа тела и духа, которые неразделимы, стимулирует развитие психопатии, истерий, отмечали почти все писатели, в поле зрения которых попадали женщины легкого поведения.

А вдруг случается и обратное? Кому-то мысль продаться приходит в голову оттого, что голова эта не совсем в порядке?

— Ну-у, нет! — с легким оттенком недоумения в прокуренном голосе протестует Клара. — Чувь какая-то. Чтоб, значит, «крыша поехала» и от этого вышла придумка зарабатывать? Наоборот, я так думаю, те, которые деньги не берут, — ненормальные. Или стесняются, что ли... Как? А вот так: спит себе и спит с ним, а втолковать ему — давай, мол, милоч, по счетчику набежало — духу не хватает. Или мозгов. А он сам не «догоняет», что пора уж и раскошели-

ваться... Ну, а начисто чокнутых — их везде хватает. Вот давнишняя моя приятельница, ее так и зовут — Инка «Дурная», — уж под сорок, а замуж на аркане не затащишь. Мужиков, говорит, их обирать до нитки надо. Люто ненавидит. Да и то сказать — телка она видная...

...Было это лет двадцать назад. Жила-была в Николаеве скромная девушка Нина, знавшая о продажных женщинах лишь из итальянского кинофильма «Ночи Кабирии» да французской классической литературы.

После окончания техникума она отправилась по распределению на далекую Камчатку. Работа в рыбном хозяйстве была нелегкой. Мало того, что пришлось Нине после родительской опеки да ласкового южного солнца привыкать к самостоятельному житью-бытью и студеным ветрам, ей еще очень не повезло на людей. Вернее, на мужчин... Много недобрых историй могла бы рассказать эта потрепанная шальными ночами, но ухоженная рыжеволосая дама. Долгом своим Инка считает не только лишать клиентов наличных, но по возможности и семейного благополучия, душевного равновесия.

Вот уже два десятилетия изо дня в день ловит она совсем другую рыбку в шумном потоке «гостей столицы» и посетителей вечерних ресторанов.

В ее позиции нет и намека на пугающе-слепую, но все же с оттенком жертвенности злость Женьки из «Ямы»; героиня Куприна намеренно заражала посетителей дома терпимости сифилисом, потому что считала их повинными и в своей собственной беде, и в покореженных судьбах товаров.

Затянувшееся же на долгие годы «отмщение» Инки подразумевает прежде всего наживу.

Быть может, это поза? Поза предполагает не подвижность, поскольку статичность ее рисунка обязана убеждать, что все уроки жизни уже усвоены. Все самое главное — позади. В глазах иных ее знакомых Инкин бизнес оправдывается горькими словами о тяжелой доле провинциальной девушки, столкнувшейся в нежном возрасте с грязью и предательством. Но, ступив на путь-дорожку более чем сомнительной «вендетты», эта наивная голубоглазая девушка превратилась в опытную, расчетливую и нечистоплотную торговку теплом своих рук и собственного дыхания.

Недалекая, не развитая ни духовно, ни душевно девушка, воспитанная без всякого уважения к человеческому достоинству, к нравственным и моральным ценностям, столкнувшись с бедой, сделала аморальный выбор. Почему? Это было проще всего. Внутри ничего не протестовало. Потому что внутри ничего не было. Там, где мы ничего не вкладываем в души, где видны прорехи воспитания, растут сорняки, разливаются грязь.

Даже оставаясь в рамках Уголовного кодекса, эти женщины переходят границы кодекса морали.

Но... Той же Кларе, например, мысли о нарушении нравственных норм, похоже, в голову и не приходят. У нее свои нормы. Свой, извращенный кодекс чести. Свои установки. И цена тоже своя. Равно как и у ее подруг.

Что-то связанное с ними, вернее, с ее отношением к ним, и подтолкнуло Клару на эту встречу.

Однако удобный момент выяснять подоплеку нашего «рандеву» я, видимо, упустил. Светлоглазая магдалина, курящая одну за другой дорогие, шоколадного цвета голландские сигареты, украдкой поглядывающая на часики, беспокойно постукивала накрашенными коготками по лаку письменного стола. За окном уныло-синие тона провалились на второй план, вечернее освещение нахально утверждалось неоновыми электрическими узорами на темном бархате осеннего вечера. Клара торопилась на «работу».

Мы договорились встретиться снова, связавшись через нашего общего знакомого, здесь же, в его кабинете.

Я не знал, что больше не увижусь с ней...

Окончание следует.

ЧЕРНАЯ КАЛИТВА

Евгений
ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Вечером над железнодорожной станцией, за разбитыми переходными мостами, повисшими растерзанным ржавым железом, за обгоревшим кирпичным остовом водокачки на полнеба полыхнуло дымное зарево. Взвизгнул смертельно раненный паровозик хриплым, тревожным гудком и затих, заглушенный раскатистым взрывом. Зенитные разрывы расцвели чистое вечернее небо, потом снова ухнуло, и на узле связи по звуку определили наверняка, что опять попали в эшелон с боеприпасами. Чего ж они их на станцию принимают, ведь каждую ж ночь бомбежки!

Горели цистерны с горючим. Отсветы недалекого огня ложились на лица дежурных смены. Стены вздрагивали. Посыпались стекла. Сколько там было до станции? Километра два, три? Разве это расстояние по военным, фронтовым масштабам? Скоро и до нас доберутся, маскировку следует проверять, подумал старший батальонный комиссар Матвей Филиппович Апанасенко, подшивая свежий подворотничок.

Он только что вычистил сапоги, поборился, пах тройным одеколоном, потому что гигиена прежде всего. Гигиена и внешний вид военнослужащего. Когда-то на заре своей армейской службы он понял раз и навсегда, что командир, тем более политработник, обязан быть примером для личного состава и никакие такие отговорки, ссылки на неудобства походной жизни не должны приниматься к сведению.

Старший батальонный комиссар поглядывал в сторону станции, довольно ловко орудуя иглой. На душе у него было тревожно.

Батальон, в котором он служил, обеспечивал связь авиацию Юго-Западного фронта и размещался в Валуях, населенном пункте с крупным железнодорожным узлом, который немцы, прорвав нашу оборону, сразу же и подвергли жестокой бомбардировке.

Телеграфная и особенно радиосвязь в условиях бомбежки дело сложное, требующее величайшего напряжения. Что стекла в окнах вылетят от взрывной волны — это ладно, это можно новые вставить, можно фанеркой подлатать, дежурная смена останется на своих местах. Беспокоило другое. Откуда у немца такая сила? Оно, конечно, всю Европу под себя подмял, но сколько ж у него самолетов, если на какие-то Валуики столько приходится? И курсанты из учебной роты недоумевали, особенно там одна глазастьенькая выступала решительно. Почему, мол, составы на станцию принимаются? Как так можно? Они даже рапорт коллективный — это в армии-то! — собирались писать и подать по команде, чтоб прекратить это безобразие.

— Нельзя так халатно относиться к своим обязанностям в военное время! Нельзя! Железнодорожнички... Их бомбят, а они забивают станцию снарядами. На всех путях составы со снарядами.

— Военные грузы вообще имеют свойство взрываться, — мрачно заметил старший батальонный комиссар. — Особенность такая. Член Военного совета знает. Железнодорожнички, товарищи курсанты, тут ни при чем. Война, одним словом, идет.

Он был прав, но девушкам от такого довода легче не стало. Не успокоились. Они к командиру батальона военинженеру третьего ранга с тем же вопросом обращались. Гражданские люди! И снова та красивая, с темными глазами, первой выступала. Привыкла, понимаете ли, в гражданской жизни к тому, что хороша, что у нее успех, все на нее внимание обращают, и в армии думает с теми же ориентирами прожить. Нельзя так, голубушка, нельзя...

Батальон в полном составе перебазировался в Валуики из Воронежа в начале мая. Весна выдалась ранней, душистой. Пахло теплой землей. Валуики славилась яблоневыми садами и самосадом.

Узел расширился. Приняли новые связи, улучшили монтаж. Научились кое-чему за год военных действий. Генераторную станцию вынесли на сто метров в отдельное помещение, все, как предусмотрено уставом, питание подали по подземному кабелю, и тут началось. Подкатился фронт к тихим Валуикам. По документам, которые проходили через руки старшего батальонного комиссара, он знал, что войска нашего Юго-Западного фронта после неудачного наступления на Харьков отступают.

Догорал вечер. Красное солнце, обещая ветреную погоду на завтра, садилось за крышами домов, наскоро превращенных в казармы. Все говорили просто — дома для личного состава, и только комиссар упорно говорил — казармы, хотя отлично понимал, что обшарпанные эти домишки так же похожи на казармы, как тот часовой у КПП, которого он видел из разбитого своего окна, заклеенного тонкими полосками белой бумаги, похож на настоящего часового, каким ему надлежит быть. У шлагбаума за дощатой, наспех сколоченной будкой прохаживалась девушка с шинельной скаткой через плечо, с противогоздом, все по форме, зато пилотка кокетливо съезжала на висок на русской волне. Пилотку, небось, заколкой зафиксировала, подумал Апанасенко, иначе давно свалилась бы. Про себя он отметил, что скатка уродует женскую фигуру, и устыдился этой мысли: о чем я? Часовой... При всем при том винтовку держит правильно, как положено, и то хорошо. Сколько труда вложено, чтоб по крайней мере уставной вид придать всему этому воинству. Была рота как рота, отдельная рота связи, потом ее развернули в батальон по штатам военного времени, и пришли к ним девчонки, курсанты дросочных выпусков Харьковских и Ростовских курсов радиотелеграфистов. И сразу с первых дней — дежурство в боевой радиосети. Пришли опытные телеграфистки с гражданских телеграфов, вчера еще на высоких каблучках, в кредешинах ходили, телеграммы принимали — выезжаю, жду, целую, твой, твоя — и еще, небось, замечания делало гражданам: «Пишите разборчиво!» — и бланк в окошечко от себя откидывали тонкими пальцами в маникюре, а сегодня солдаты. Вон она стоит на посту, шею нежную вытягивает, смотрит, как на станции полыхает, и, если на винтовку штык надеть, как раз одного роста боец и его оружие.

А сколько сил потрачено, чтоб поняли азы армейской службы: как в строю стоять, что такое строй, как к командиру подойти, подход, отход, а то:

— Матвей Филиппович, Матвей Филиппович...

— Я вам, товарищ курсант, не Матвей Филиппович, а в данный момент военного времени товарищ старший батальонный комиссар. Так надо обращаться. Поймите, вы в Красной Армии, а не у себя на Центральном вашем телеграфе.

— Я в почтовом отделении работала, Матвей Филиппович, то есть, простите, товарищ старший батальонный комиссар.

— Не простите, а виновата.

— В чем я виновата?

И действительно, в чем она виновата? В чем они все виноваты, девчонки, добровольно пришедшие защищать Родину или призванные на военную службу от папы и мамы строгой повесткой райвоенкомата? Видно, суть женская такая, что многое в армейской жизни они органически не могут понять, успокоил себя Апанасенко. Вместо сапог на боевое дежурство тапочки обувают.

— Вы почему в тапочках?

— А так удобней, ноги к концу смены гудят. Мы всегда так...

Что тапочки! Случалось, вместо гимнастерки блузку наденет с украинской яркой вышивкой, из дому, види-

мо, прихватила в том вещевом мешке, в котором положено иметь кружку, ложку, две смены белья. Женщины... И как их ругать за это? Как наказывать?

— Товарищи,— говорил военком,— сделать из гражданской девушки красноармейца, дисциплинированного бойца, владеющего специальностью телеграфиста или радиста, совсем даже не простое дело. Большую роль в привитии воинских навыков играет строевая подготовка. И вы не улыбайтесь, в строю не положено улыбаться. Со строевой подготовки начинается служба. Строй подтягивает, дисциплинирует...

Старшина Бахметов кадровый, голос зычный, бывало, крикнет:

— Выше ногу! Тверже шаг! Запевай: «Петлицы голубые, петлицы золотые...»

Или еще у него была любимая песня для строя. Девчонки пели:

— Бей, винтовка, метко, ловко,
Без пощады по врагу.
Я тебе, моя винтовка,
Острой саблей помогу.

Учил их, как мог. Они у него строевым ходили. А какой там строевой: сапог—сорок третий, нога—тридцать пятый, вот и бьет она строевым, сначала сапог, потом ногу. Разуется, портянка съехала, сбилась в комок, нога голая, вся в крови. Горе луковое. Ну да ладно, это все придет, успокаивал комбат Белоусов. Апанасенко соглашался. Хуже было с разными женскими фантазиями: то ночью в карауле светлячков за лазутчиков вражеских приняли, стрельбу открыли. Быка увидели, побежали, а до этого строем шли с оружием.

— Да как же вам не стыдно? А если танк фашистский на вас пойдет, вы от танка тоже побежите?

— Нет, от танка не побегим. В быка стрелять нельзя.

При всем при том и военком, и старослужащие признавали, что со своими служебными обязанностями девушки справляются отлично. Очень старательно, аккуратно работают. У некоторых большой опыт, телеграфистки классные, но с трудом усваивают, что армия не гражданка. И вот фантазии отсюда. У каждой своя фантазия. Фотографии женихов вешают над койкой, цветы, салфеточки расшитые. Какие такие салфеточки, возмущался Апанасенко. Война идет! А потом осыпал: может, им это нужно?

Комбат Борис Петрович Белоусов сказал:

— Смотри на такие вещи проще.

— Или сложней?

Так у них однажды разговор по душам начался.

— Или сложней,— согласился Белоусов.— Женщина на войне— явление новое, мы всех последствий еще не знаем. Женщина— мать, хранительница очага, женщина— любимая. Ведь если мысленный взгляд в историю кинуть, женщин-солдат и не бывало, так чтоб целый батальон из них сформировать или даже роту. В армии мужские традиции, мальчишка с детства в войну играет, ружье у него, барабан, а у девочки— кукла, цветы, вышивание.

— Фантазии у них!

— Это само собой. Да еще в мужском окружении. Все-таки в авиации служим, кругом женихи один другого краше.

— Это я понимаю. Не ясно только, почему мы им классными дамами должны быть, за поведением их смотреть?

— А почему нет, если нам их доверили? Мы старше, опытней.

— Трудно.

— Нелегко.

Военинженер третьего ранга хоть и окончил военную академию, в армейских тонкостях разбирался, но, по мнению военкома, был человеком без военной косточки, слишком мягким в сложившихся обстоятельствах. Враг наседавал, не сегодня завтра смертельный бой случится принять, какие уж тут цветочки, одна вон кошку вышила и лебедей. Плывут по глади вод. И это в казарме! Служба есть служба. Запретить? Самое простое—запретить. Главное, не позволить себе размякнуть, побряжки им начнешь делать, пиши пропало. Апанасенко больше всего именно этого боялся. И дрогнул только раз. Ночью на дежурстве телеграфистка плакала у аппарата. Закрывает лицо руками, слезы падали на движущуюся ленту. Он подошел, прочитал: «Самолет №... мотор №... на базу не вернулся». Подумал, может, там отец, брат, жених этой телеграфистки в этом самолете. Надо было найти слова утешения, положил руку на ее вздрагивающее плечо, она подняла глаза, полные слез, сказала:

— Жалко...

— Война,— сказал военком и отдернул руку, а потом простить себе не мог поспешности, с какой готов был посочувствовать. Раскис, увидел, собой хороша, руку на плечо.

— Вид красоты рождает смущение,— сказал комбат.

А если кто подумает, амуры хотел завести? Влюбился? Больше всего старший батальонный комиссар боялся не того, что влюбится и этим подаст пример для подражания— влюбиться он не должен был, не имел права как женатый человек, но мог к кому-то относиться лучше, к кому-то хуже, сам не замечая этого. Ну вот та, красивая, что на железнодорожников собиралась жаловаться члену Военного совета, он у нее фамилии не спросил, а у подружки ее, она всегда с подружкой

ходила, чего проще! Запросто мог бы: «Товарищ боец, подойдите ко мне. Как ваша фамилия?»

— Знаешь,— сказал он комбату,— в нашем положении строгость необходима, как основное средство поддержания самодисциплины. Тут ведь только начни, дай поблажку, и семья забудешь, и жену, которая ждет.

Комбат пожал плечами:

— Чувство выражается тем энергичней, чем лаконичней средство.

И что он этим хотел сказать?

Часовой все ходил (ходила, совсем запутаться можно!) у шлагбаума, и лихо сдвинутая пилотка не падала. Лицо у часового было строгим. Службу несет старательно, отметил старший батальонный комиссар, перекусывая нитку и пряча иголку за подкладку фуражки.

Надо было идти проверить маскировку, посмотреть, как работает смена на узле связи, поинтересоваться, какие новости поступают с передовой. Положение, сложившееся под Харьковом, тревожило Апанасенко, он понимал, что именно на их фронте решается сейчас судьба летней кампании этого, сорок второго года.

Зарево над станцией все разгоралось и разгоралось. Рвались боеприпасы, судя по звуку, артиллерийские снаряды. Патроны рвутся не так и мины иначе. Зенитки молчали, значит, немцы, сбросив бомбы, улетели. Теперь они должны были снова прилететь минут через пятнадцать. Они всегда налетали волнами с интервалами в десять—пятнадцать минут. Последнее время—каждую ночь.

Апанасенко относился к бомбежкам спокойно: привок. Он был кадровым военным, за его плечами две войны стояло, он так говорил не без гордости, когда в политотделе просился в другую часть: «У меня две войны за плечами...» И грудью вперед двигал, чтоб видно было медаль «Двадцать лет РККА». Однако переводу в другую часть это не способствовало. «Вы здесь нужней»,—ему сказали, а вот относиться к ночным налетам без страха прошлый опыт помогал. За сорок первый год особенно много пришлось пережить по этой части: и эшелон его бомбили, и под откос он на полном ходу прыгал, и как-то из горящего бензовоза выскакивал в придорожный кювет, гимнастерка горела и бриджи.

Узел связи—сложный организм. Сердце и пульс. Разобраться во всех тонкостях его работы не так-то просто, а потому первым делом Матвей Филиппович отправился именно туда, на узел. На шатком крыльце вытер ноги о разостланную мокрую тряпку.

Заканчивался прием донесений об итогах боевых операций за прошедший день. Поступали разведданные, шли сообщения инженерной службы о состоянии и потерях боевой техники, обеспечении запчастями, боеприпасами. По всему было видно, немцы начали широкое наступление и пока остановить их ни сил, ни средств нет. Мимо прошел знакомый капитан из разведотдела с мотком телеграфной ленты в руке.

— Как там?—спросил Апанасенко.

— Прет,— коротко ответил капитан и ладонью поправил пробор,— опять танки... Откуда он их берет?

Мы несли крупные потери, и сердце старшего батальонного комиссара сжалось. Он сводку пробежал глазами. Конечно, его место было там, на передовой, где шли бои, в строевой части ему следовало служить, там, где можно разить врага, видеть его мурло ненавистное и мстить! Старший батальонный комиссар повернулся

Рисунок Игоря Нечавина

Южный пограничный рубеж. Близость города, куда может приехать каждый без всяких ограничений. И близость границы, разделяющей две страны. Этот рубеж пролегает через горные перевалы, вдоль береговой кромки моря. Один из самых напряженных участков границы.

Мы расскажем несколько эпизодов из жизни ее часовых. Из жизни тех, кто защищает нашу советскую границу.

СЛАДКАЯ ВОДА ЖАЖДЫ НЕ УТОЛЯЕТ

Мы начали с самого верха. Выше были только рваные клочья облаков, мачта ретранслятора и орлы, наматывавшие вокруг нее виток за витком.

Узкая пограничная тропа металась между валунами, протискивалась сквозь ущелья, терялась в кустарнике. Тропа — единственный путь вдоль охраняемого заставой участка, который дено и ношно меряют солдатские сапоги. Три с половиной тысячи ступеней вверх и столько же вниз. Но это не те привычные ступени, что мы отсчитываем в городских домах. Пограничные ступени — это выбитые в граните уступы, связанные проволокой перекладины на вертикально падающих уклонах, валуны, отшлифованные подошвами сапог.

Не рассказал о подъеме. Потому что подниматься легче, чем идти вниз: взгляд упирается в землю, телом ощущаешь ее близость. При спуске мускулы ног и спины деревенеют от напряжения, обманчивая близость опоры лишает равновесия. Нам говорили: «Прежде, чем писать о нас, пройдите до стыка с соседней заставой и вернитесь обратно. Тогда вам многое станет понятно».

С нами на стык отправился лейтенант Эдуард Чиковани. Он по-кошачьи ловко скользит вниз, редко смотрит под ноги. За год тропа сделалась для лейтенанта своей, он ее сфотографировал памятью настолько, что любое внешнее изменение вызывает у Чиковани вопрос. Убедились в этом, проведя эксперимент: по пути вверх переместили один из камней чуть в сторону, тщательно заровняли углубление. На обратном пути, дойдя до этого участка, Чиковани нагнулся, покрутил головой и ткнул пальцем в камень:

— Ваша работа?

В первый месяц службы на заставе лейтенант валился с ног от физического и нервного перенапряжения. Потерял сон, аппетит, похудел. Однажды ночью он поднимался по тревоге пять раз.

Но в ту ночь для Чиковани наступил перелом. Переступив грань физически возможного, он обрел второе дыхание. Горное. И тропа, казавшаяся ненавистной, стала своей. Своей, но по-прежнему коварной.

Но горы не только опасность. Это алмазной чистоты родники, прозрачная голубизна неба, шелест ореховых рош, заросли пахучей ежевики. Это величавые архары, застывшие изваяниями на гребне, это молниеносное сверкание форели в холодной речной зыби, это напоенный ароматами выгорающих трав, дурманящий воздух. Но прежде всего это граница, требующая неустанной заботы от людей, ее охраняющих.

Первым в нашей цепочке идет старшина Николай Морарь, инструктор службы собак, человек для заставы наинужнейший. Среднего роста, свет-

Владислав ЯНЕЛИС,
Фото Евгения СТЕЦКО.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

И ВСЕ, ЧТО ЗА НАМИ

ловолосый, круглолицый, Николай словно не знает усталости. Он недавно из наряда, был на правом фланге, четыре часа лазил по горам и вот опять меряет пограничные ступени размеренным легким шагом, улыбается, рассказывает о заставе.

— Здесь.— Морарь останавливается и кивает на узкую горловину ущелья внизу.— Здесь Коро взял след...

Коро, крупная молодая овчарка, садится у ног хозяина, поднимает уши, вслушиваясь в интонации разговора.

— У него отличное чутье — и верхнее, и нижнее. Я еще не вижу следа, а он уже начинает по нему работать, и не дай бог, ему кто-то будет мешать... И вдруг он рванул поводок и потащил меня в кусты. Я увидел смещенный подошвой камень, а рядом примятую траву. Понял: кто-то прошел к нам в тыл.

Ну и начали работать по следу. Коро неся, оставляя ключья шерсти на колючках, царая морду. Мы с Сашей Лепским и Сергеем Есиным старались не отставать. Знали — тыл

уже перекрыт и далеко нарушитель не уйдет, взятие его — только вопрос времени и выносливости. Но взять все равно надо как можно быстрее, это закон. Никогда я так не бегал... Часа через полтора мы его догнали и прижали к скале. У Коро шерсть вздыбилась, сами мы мокрые, как цуцки, пить охота страшно. Я еле выдохнул: «Стой, руки вверх!» — губы не разлипались.

Потом, уже внизу, на заставе, поставили перед собой чайник с водой, кружки, сидим, пьем. А напиться не можем: у нас тут вода сладкая, вкусная, холодная...

Внизу, в долине, россыпь палевых домиков, пограничная вышка, каменная игла минарета. Домики, погранвышка, минарет — это уже другая страна. Там иные обычаи, законы, вера. Мощный динамик, установленный на шпилье минарета, возглашает «Иншалла», призывая трудиться во славу всемогущего пророка и верить в предначертания судьбы. Мулла тем временем копается у себя в огороде. Когда молитва заканчивается и часового на той вышке смаривает сон,

люди подходят к границе, стоят, опираясь на кетмени, и смотрят на нашу страну.

«ОДИН, В СТОРОНУ ТЫЛА»

Около двух часов ночи лейтенант Георгий Мгеладзе вернулся с проверки участка и сел за конспект к занятиям. К четверем у него онемела спина, и он вышел на крыльцо. Край непроходимой черноты неба окрашивался фиолетовыми разводами. Город спал, отгороженный от заставы платановой рощей и безмятежностью ночи. Было слышно, как струилась вода в пересыхающем фонтане напротив крыльца и шуршали шаги часового у заставы. Заканчивался второй месяц пограничной службы Мгеладзе.

В штабе его предупреждали — на спокойную жизнь не рассчитывайте: застава прикрывает участок вероятного направления движения нарушителей границы, практически постоянно усиленная готовность...

Ночной дозор.

Тревожная группа.

Сегодня старший пограннаряда — сержант Андрей Котельников.

Встреча на горной дороге.

И вот за два месяца ни одного нарушения, словно приезд Мгеладзе до смерти напугал всех, кто вынашивал намерения пересечь здесь границу.

Сигнализационная система сработала в 4 часа 10 минут. Но чуть раньше лампочка на пульте несколько раз вспыхивала и гасла — это бывает, когда связной проверяет надежность контактов. В данном случае проверка исключена, значит, кто-то идет через границу — животное или человек.

Поднимая заставу «в ружье», Мгеладзе свои действия подчинял непререкаемой логике чрезвычайных пограничных обстоятельств. Доклад начальнику заставы, оповещение пограннарядов, находившихся на

участке, и соседних застав, доклад оперативному дежурному отряда...

Когда «тревожная» группа во главе с майором Матвиенко садилась в машину, старший погранряда сержант Сергей Матросов передал по радиации: «Нарушитель один. Идет в сторону тыла, пытается скрыться. Обут в белые кроссовки, рисунок подошвы — «елочка», с собой спортивная сумка...» Потом выяснится, что, выдвигаясь к участку, где сработала сигнализация, Матросов и ефрейтор Иван Шевченко увидели человека, вернее, силуэт, метнувшийся от КСП в сторону поля. Матросов «читал» след, а Шевченко тем временем передавал на заставу сообщение о приметах нарушителя. Пограничники накрыли след, чтобы его не смыло росой, и начали преследование.

Мгеладзе должен был с группами заслона исключить прорыв нарушителя в тыл. Это самое сложное, потому что ближайший тыл заставы — курортный город с сотней улиц и переулков, с железнодорожным и морским вокзалами, аэропортом, пляжами, базарами...

Поле, через которое идет нарушитель, выходит к узкоколейке, к частным маджариновым садам, к автомагистрали, связывающей город с аэропортом, к складам тары с горами бочек и ящиков. Четыре проселочные дороги пересекали кукурузное поле лучеобразно. Вдоль какой из них пойдет тот, в кроссовках? В училище Мгеладзе внушали: всегда предполагай, что нарушитель опытный, знает участок, систему охраны границы... И думай: как бы ты действовал на его месте? Итак, на его месте Мгеладзе попытался бы сбить со следа собаку, потом отсидеться, к примеру, в складе бочкотары, и, дождавшись, когда прояснится город, выйти к автомагистрали и на попутной машине добраться до центра. Значит, надо ставить заслон у автомагистрали и у складов, оставшихся силами перекрыть выход к поселку и к узкоколейке, фланги возмут на себя соседние заставы, также поднятые по тревоге. Но есть и другой вариант.

Нарушитель может попытаться прорваться к городу, пока не рассвело. По росе собаке работать тяжелее. А сейчас обильная роса. Не исключено, что чужак появится в любом месте.

Когда началась высадка заслонов, майор передал по радиации, что собака взяла след и тревожная группа ведет преследование. Спустя пять минут Матвиенко сообщил, что нарушитель изменил направление. Мгеладзе передал сообщение заслонам, чтобы скорректировать их внимание.

В 5 часов 25 минут в районе железнодорожного переезда Мгеладзе заметил фигуру бегущего человека.

— Фары на переезд, — командовал лейтенант водителю и выскочил из кабины, расстегивая кобуру.

Он бежал по проселку, спотыкаясь о камни, с тревогой думая о том, что заслон, оставленный на пересечении дорог, мог сместиться и тогда рассчитывать нужно только на себя. Вдруг выстрелом стегнула тишину команда:

— Стой, стрелять буду!

Мгеладзе узнал голос старшины Владимира Минашкина, секретаря комитета ВЛКСМ заставы.

Темная фигура метнулась в сторону от переезда, послышался скрежет ограды, хруст сухостоя. В сумерках сверкнули белые подошвы кроссовок.

— Он! — Мгеладзе двумя прыжками перемахнул через насыпь.

Прижавшись спиной к проволочной сетке, стоял, загоразив лицо, неизвестный. Краем глаза Мгеладзе увидел набегавших Минашкина и рядового Бориса Нерода с автоматами на изготовку.

— Руки за голову! — командовал лейтенант и кивнул Минашкину. — Возьми у него сумку...

Неизвестный поднял сумку к груди и отодвинулся от изгороди.

Инструктор службы собак старшина Николай Морарь.

Техника всегда должна быть в порядке.

— Спокойно, — предупредил лейтенант, — без глупостей.

Через несколько минут прибыла тревожная группа. Мгеладзе посветил на след рядом с нарушителем.

— «Елочка», 42-й размер. Он?

— Он, — кивнул Матвиенко.

Уже на заставе лейтенант как следует рассмотрел нарушителя: узкое, почти безгубое лицо, широкие плечи, мускулистый, поджарый, коренастый. Он осулившись сидел за столом и повторял, что произошла ошибка, что он заблудился, что сегодня собирался уехать из города...

На столе лежало содержимое сумки — финский нож с компасом в рукоятке, нучаки со свинцовыми шипами, старая панягия, стоимость которой, по самой приблизительной оценке, равнялась пяти-шести тысячам, еще один компас, деньги...

Прибывший из штаба подполковник отозвал офицеров в другую комнату:

— Мы его ждали. Знали, что пойдет. Не знали, где. С первым вас, товарищ лейтенант...

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Идут к нам. Пытаются уйти от нас. Сухопутьем, горными перевалами, морем. Идут те, кто скрывается от правосудия, под чьими ногами горит земля. И потому они узнаваемы.

...Была суббота. Тепло и безветренно. Море лениво накатывало волну за волной на бурый песок пляжа. От берега до леса шестьдесят — семьдесят метров. И так на протяжении нескольких километров. Тысячи людей с утра занимают это пространство, стремясь устроиться именно там, где лежали и сидели вчера.

Погранвышка — на краю пляжа. Сер-

жант Андрей Котельников без труда узнавал отдыхающих. Он даже успел наделить некоторых из них своеобразными прозвищами: «Тот, с биноклем», «Любитель пива», «Особа в бикини», «Северяне», «Папа с сыном и собакой», «Художник», «Студентки» и так далее. Для них, отдыхающих, погранвышка — предмет отвлеченный, так, что-то портящее пейзаж, нечто вроде игры в шпионов для взрослых, не больше. И Андрей не вправе их разубеждать, пусть люди думают, что юг — это только море, песок и кипарисы, пусть думают, что покой и мир вечны и все окружающее великолепие только для них.

Из характеристики Андрея Котельникова: «Родился и вырос в Оренбургской области, в селе Нежинка. Отец и мать — рабочие. Окончил два курса техникума. Член ВЛКСМ. Увлекался вычислительной математикой, фотографией, электронно-вычислительной техникой, радиоделом. В погранвойска направлен по комсомольской путевке. Специальность освоил полностью. К службе относится добросовестно. Быстро сходится с людьми, в коллективе пользуется авторитетом, общественные поручения выполняет охотно... Замечаний от командования не имеет...»

К десяти утра солнце нагрело металлические перила вышки так, что больно было дотрагиваться. На горизонте — силуэты двух судов. Это «рыбаки» берут кильку. Ближе к двенадцати должен пройти «иностранец». За ограничительными бумами — две головы. Недалеко. Значит, ведь, что за буи заплывать нельзя, а все же нарушают. Ладно, возможно, увлеклись. Да и спасательная шлюпка рядом. Резо предупредит, а то и оштрафует.

Напарник Котельникова рядовой Сергей Бабич оторвался от ТЗК, то есть трубы зенитной командирской.

— Меняемся, Андрей, глаза устали.

Котельников зашел в застекленную будку, Бабич вышел, как они выражались, «на балкон». Андрей прильнул к черным окулярам, подстроил ТЗК. Через оптику видны очертания надстроек на палубах «рыбаков», даже мельтешение людей возле лебедок. Андрей повернул ТЗК направо. На оконечности леса появились две новые машины, людей на песке прибавилось... Из леса вышел какой-то чужак с рюкзаком... «Северяне» постелили плед и сели за преферанс. «Чужак с рюкзаком» шел вдоль пляжа, глядя себе под ноги, осторожно обходя загорающих.

«Почему у него рюкзак?» — спросил себя Андрей. — Наверное, приезжий, пока не нашел комнату, решил окупиться. Но почему рюкзак, а не сумка, чемодан, наконец? Мало ли почему — походник, например, со студенческих лет остался рюкзак, взял его на юг. Так, на нем синяя рубашка, джинсы, высокого роста, в очках. Незагорелый. Значит, сегодня приехал... А почему один? Ищет своих? Любит отдыхать один, и все тут? На море штиль. Бабич подошел к окну.

— Андрей, посмотри на того типа с рюкзаком.

— А что?

— Да так. Странный какой-то...

Человек с рюкзаком шел и явно не видел вышку. Слишком он был сосредоточен, чтобы ни на кого не наступить.

Его появление не было неожиданным, на границе о нем уже знали: «Высокий, сухощавый, носит очки, походка нервная, быстрая, неровная. Глаза серые, глубокие...»

Человек с рюкзаком поднял голову и увидел погранвышку. И словно остолбенел. Через несколько секунд он резко свернул к лесу.

Андрей доложил на заставу.

— Наблюдайте, — сказал начальник заставы. — Я скоро приеду.

А тот человек уходил. «Отпускать его нельзя», — решил Котельников.

Бабич быстро спустился с вышки и побежал наперерез человеку с рюкзаком.

— Стой! — крикнул ему Сергей.

У Бабича только штык-нож, в наряд на пляж ходят без автомата. Тот остановился, смерил Бабича взглядом и пошел на него. В ту же минуту спустился Котельников и побежал к Бабичу. Теперь пограничников было двое.

— Документы есть у вас? — как можно спокойнее спросил Котельников.

Незнакомец полез в рюкзак. Пока он искал паспорт, Андрей заметил в рюкзаке ласты, пластмассовую флягу для воды, карту в полиэтиленовой обертке.

Дальше все было несложно. Котельников задавал наивные вопросы, прикидывался протачком, делал вид, что собирается вот-вот вернуть паспорт и отпустить задержанного, как говорится, с миром. Он просто тянул время, дожидаясь тревожной группы, понимая, что осмотр рюкзака сейчас же спровоцирует задержанного на крайние меры. Но кругом были отдыхающие, и он не имел права рисковать. Нельзя было и показать, что он сомневается и в паспорте чужака, хотя паспорт явно носил следы подчисток.

Когда спустя несколько минут подъехала тревожная группа, человек с рюкзаком понял, что Андрей его перехитрил. Он закрыл лицо руками, заматал головой, застался.

Еще через час подлинное лицо незнакомца с рюкзаком было установлено. Это оказался опасный преступник, находившийся во всеобщем розыске и несколько лет скрывавшийся от правосудия. Он намеревался добраться до иностранного корабля, который должен был пройти вдоль берега.

Сержант Андрей Котельников был награжден медалью «За отличие в охране Государственной границы СССР», избран делегатом съезда комсомола Грузии.

Он знает, что он скажет на съезде: — Мы охраняем берег, с которого начинается наша земля. Охраняем, чтобы ходить по этой земле было легко и безопасно...

Председатель
совета воспитанников
Ивановского
детского дома № 1

Геннадий Турлаков

Я ПРЕДЛАГАЮ

К вам обращается председатель совета воспитанников Ивановского детского дома № 1. Знаю, что «Смена» много пишет о детских домах. Думаю, делаете это вы для того, чтобы реально помочь тем, кто без родителей живет, и нашим воспитателям. Надеюсь, письмо мое не оставите без ответа, хотя с предложением, которое хочу внести, вы, может, и не согласитесь.

Вы в нашем доме никогда не были, поэтому постараюсь хотя бы заочно с ним познакомиться. Наш детский дом — это девятносто ребят от шести до семнадцати лет. Когда пять лет назад переехали мы в новое здание, стояло оно на окраинном пустыре, а теперь нас со всех сторон обступают новостройки, чуть ли не вплотную приблизились жилые корпуса, все вокруг перекопано. Я не архитектор, но если бы мне поручили выбрать место для детского дома, выбрал бы другое — в парке или рядом с лесом. Деревья, кустарники мы, конечно, и сами посадим, но когда еще они вырастут. В самом здании гораздо уютней, чем снаружи. Заходите в фойе, а перед глазами — панно во всю стену. Это нам художники камвольного комбината подарили. А мастера художественного фонда оформили столовую, не взяв за роспись ни копейки! Есть у нас и ковры, и цветные телевизоры, и свой автобус — все не хуже, чем у людей. Младшие каждое лето в пионерские лагеря ездят, а старшие — в стройотряд со студентами или на уборку овощей. (В прошлом году, например, в Астрахани побывали и неплохо заработали.) При чем в стройотряды едут от нас не трудные (ну почему только нарушители дисциплины так замечательно должны каникулы проводить?), а самые обычные ребята. И в «Артек», и в «Орленок» мои товарищи получают путевки. Я был в «Артеке», и то лето останется со мной на всю жизнь, мне кажется, я вернулся из этого сказочного лагеря другим человеком. Очень захотелось, чтобы и в нашем доме жизнь стала такой же интересной.

Подсобного хозяйства своего нет, похвалиться тут нечем, но вот четырех свиней мы выращиваем — в общий котел прибавка. В последнее время заработала швейная мастерская. Покупаем ткани в магазинах по безналичному расчету — хочется, чтобы не было у нас одинаковой одежды. В столярной мастерской тоже работа налаживается, это благодаря новому инструктору по труду. Здесь теперь все время народ толчется — кто мебель ремонтирует, кто поделки из дерева мастерит. (А ведь еще недавно был у нас другой инструктор, который этому ребят вообще не учил.) Вот сейчас везде вопрос обсуждается — о производительном труде. Шефы наши с ивановских предприятий тоже собирались ящики посылавать в наших мастерских сколачивать и полотенца обшивать, но так все в воздухе и повисло. Но, может, по-другому эти вопросы решать? Вот, например, кружок макраме у нас есть — такие кашпо и настенные сувениры плетут, не хуже тех, что в магазине продаются. А нельзя ли поделки эти

(разве это не производительный труд?) реализовывать? Во всяком случае, это интереснее, чем посыльные ящики сколачивать. Поймите правильно, очень хочется, чтобы работа не только доход приносила, но и радость какую-то.

Всем домом ходим в плавательный бассейн — спасибо юношеской спортивной школе. Каждый из нас может записаться в любой из многочисленных кружков. Вообще за последнее время в детском доме многое делается, чтобы жилось нам лучше. И заслуга в этом многих добрых людей, которые здесь работают, а прежде всего директора нашего Галины Николаевны Семушкиной.

Теперь о главном, ради чего и пишу вам. В июне я заканчиваю десятый класс. Одновременно со мной уйдут двенадцать восьмиклассников — собираются поступать в ПТУ, так быстрее можно получить специальность, стать самостоятельным человеком. Но тем, кто привык к детскому дому, в ПТУ приходится трудно. (Много тут разных причин, это тема отдельного разговора.) Уход из детского дома сразу большой группы старших ребят — большая потеря для коллектива. Ведь старшеклассники — те, кому 14—16 лет, — первые помощники воспитателей, они же и шефы наших малышей. И дело не только в шефстве над младшими. Мебель, например, малышам ремонтировать не под силу, а нам — в самый раз. Именно старшеклассники — главные хранители традиций детского дома. Куда ни кинь, старшие ребята нужны. Но как же быть, если большинство их уходит после окончания восьмого класса?

Выход я вижу такой: надо агитировать за получение среднего образования не только в стенах детского дома, но и школы. А чтобы поднять авторитет старшеклассников, нужно создать в детских домах первичные комсомольские организации. Вы спросите, зачем, ведь детдомовцы, вступающие в комсомол, становятся на учет в школьной комсомольской организации? Но я тоже могу спросить: почему существуют две пионерские дружины — в детском доме и в школе?

Недавно в школе, где я учусь, произошло комсомольское собрание, обсуждавшее вопросы самоуправления. Спорили много, потому что постоянная опекунья учителей не всем по вкусу. Кто-то предлагал, чтобы учителя в дела ученической комсомольской организации вообще не вмешивались, кто-то говорил, что школьные вечера, например, должны проводиться вообще без ведома и участия педагогов. Но разве в вечерах или дискотеках дело?

Помню, как в конце прошлой зимы предложил в своем классе, где уже несколько лет старостой, убрать снег вокруг школьного здания. А на меня посмотрели как на марсианина: «Ни директор, ни завуч не просили — чего же самим-то лезть?» Предложение повисло в воздухе. Потому что мы привыкли: за нас все решают учителя, актив только выполняет их указания. Вот в последнее время стало модным проводить дни самоуправления. Я думаю,

толку от таких дней немного, если после них все остается по-старому, ничего не меняется. Я вовсе не хочу школу детскому дому противопоставить, но у нас не так. У совета воспитанников немалые права, и он ими пользуется. При нашем участии решается, например, вопрос, отпустить ли воспитанника в гости к родственникам. Порядок, чистота, обсуждение нарушителей дисциплины, графики дежурства, организация поездок и экскурсий, вопросы успеваемости — это тоже заботы совета. В совет входят и младшие — пионеры, но основная ответственность — на старшеклассниках. Именно с советом райком комсомола решает самые разнообразные вопросы. И вот какая странная получается вещь: с райкомом комсомола у нас тесные контакты, а с комитетом комсомола школы взаимопонимания нет.

В прошлом году попытались объединить мы свои силы — для нас это тоже важно, ведь большая часть ребят из детского дома учится в 62-й школе. Но диалога не получилось. Говорили на совместном заседании комитета комсомола и совета воспитанников в основном взрослые — учителя и воспитатели. Ребята из детского дома мало участвуют в комсомольской жизни школы. Почему? Ну, во-первых, нас очень мало — в детском доме всего четверо комсомольцев. Во-вторых, в комитете комсомола школы нет ни одного представителя детского дома. Говорят, что в комитет выдвигают самых лучших, передовых, а таких, мол, в нашем доме нет. Но я с этим не согласен, потому что в школе человек оценивается прежде всего по успеваемости, а в детском доме — по его участию в общем труде, по тому, какой он товарищ, помогает ли младшим, насколько он честен, справедлив, короче, каков он прежде всего как личность.

Частый гость в нашем доме Евгений Марков, первый секретарь Ленинского райкома комсомола. Вы спросите, какими калачами мы его заманили. Очень просто: Женя ведет у нас занятия школы будущего комсомольца. Попробуй-ка плохо подготовиться, плохо ответить — перед первым секретарем райкома стыдно! Семеро человек занимаются сейчас у Маркова в кружке, причем среди них есть и такие, кто в активистах и не числился. Вот пример. Толя Ерофеев до недавнего времени состоял на учете в комиссии по делам несовершеннолетних — в школе все к этому привыкли. А то, что парень становится лучше, вроде бы и не замечали. Теперь он с учета снят, но для школы, конечно, неожиданность, что он к вступлению в комсомол готовится. А мне кажется, доверие к человеку лишь дисциплинирует. И вот здесь хочу сказать о противоречиях. Дело в том, что в школе тоже организуются занятия для будущих комсомольцев. Я сам бывал на этих занятиях — их проводят ребята из комитета комсомола. Но если сравнить, то сравнение в пользу секретаря райкома — у него не просто даты зубрят, а учатся разбираться в истории и сегодняшних проблемах комсомола.

О приеме в комсомол. Вспоминаю, как

это было со мной. Вступал я одним из последних в классе, вопросами ни на комитете комсомола, ни на бюро райкома меня не мучили. Выдали мне комсомольский билет, а взносы комсорг не принимает (естественно, и отметки об уплате в билет не ставит), говорит, что комитет комсомола школы решил с детдомовских взносов не брать — мол, откуда у них деньги. Но это же унижительно: все в классе платят по две копейки, а для нас — щадящий режим. А ведь я все лето в пионерском лагере работал, мне там зарплату платили.

Думаю, авторитет старших ребят в детском доме возрастет еще больше, если появится у нас своя комсомольская организация. Может быть, тогда и комитет комсомола школы будет относиться к нам по-другому? Говорят, что создавать еще одну первичную нет необходимости, поскольку старшеклассников в детском доме очень мало. Ну, а если думать о будущем?

Взять, например, опять же вопрос приема наших ребят в комсомол. Где их лучше всего знают, как не в детском доме?! Но совет воспитанников не может давать рекомендацию будущему комсомольцу, нет у него такого права. Будь в детском доме своя первичная, эти вопросы решались бы просто. Может быть, стоит предоставить будущим комсомольским организациям, если они, конечно, будут созданы, право приема в комсомол? Это повысило бы их авторитет, усилило бы и ответственность. Секретарь комсомольской организации и председатель совета дружины могли бы на равных войти в центральный орган самоуправления детского дома — совет воспитанников.

Именно объединенная комсомольская организация (в ней могли бы участвовать и молодые воспитатели) должна, мне кажется, поддерживать связи с райкомом комсомола, с комсомольскими организациями предприятий-шефов.

Предлагаю в пункт 44 проекта Устава ВЛКСМ внести дополнение, касающееся первичных комсомольских организаций в детских домах. Думаю, вопрос этот необходимо обсудить на XX съезде комсомола.

Коротко о себе. Прожил без родителей всю свою сознательную да и несознательную жизнь. Отца и мать своих никогда не видел, даже не знаю, как они выглядят.

Знаю только, что мать бросила меня в родильном доме — недавно прочел ее отказное письмо.

После школы я решил поступать в педагогическое училище на отделение начальных классов, хочу потом вернуться в свой детский дом, но уже воспитателем. Мне кажется, люди, избравшие эту профессию, должны очень хорошо понимать детей, которые растут без матери и отца. Бывает, что выпускники пединститута приходят к нам, но долго не задерживаются, уходят. Видно, не знают трудностей своей будущей работы. А я знаю и не боюсь их.

У НАС В САМОТЕЧНОМ

фото Евгения СТЕЦКО

Вы, наверное, замечали: изделия с индексом «Н», то есть новинка, продаются дороже тех, что отметки такой не удостоены. Что же получается? Модное — значит дорогое?

«Нет, — решили молодые работники московского ателье № 9, что неподалеку от Самотечной площади, — и ультрамодная одежда может быть доступной по цене». Трудно поверить? Тогда заглянем в ателье.

Разноцветные блузоны, выставленные в салоне, удивляют, пожалуй, самым изысканным вкусом: недорогие, потому что в большинстве своем изготовлены из неходовых, отвергнутых швейными фабриками тканей. С карманами и без, заклепками, кнопками, из любого материала, который имеется в ателье, и даже из того, которого в ателье нет, — ведь здесь шьют и из ткани заказчика.

Скажете: что же тут необычного, ведь так и должно быть? Необычно то, что бригада швейников работает на договоре. Это значит, что ежемесячно отчисляет государству плановую сумму, а наработанное сверх того — в «копилку» бригады. Тут уж сами решают, кому и сколько к зарплате прибавить, а что оставить на производственные нужды. Бригада заинтересована в реализации своей продукции, а потому следит и за спросом, и за ассортиментом. Не дожидаясь, пока модель устареет, выйдет из моды, ее заменяют на новую. Даже понятие такое родилось: «экспресс-мода». Не 2—3 года модель ищет пристанища, как в промышленности, а всего 2 месяца. А в бригаде считают и этот срок большим, потому что мода сегодня диктует свой ритм. И за ней — хочешь не хочешь — надо поспевать, чтобы не уронить марку ателье и чтобы на вопрос, где же пошить модную и недорогую одежду, всегда следовал ответ: «У нас, в Самотечном...»

Марина ПАНКРАТОВА

Фото Игоря Орехского

Валерий Леонтьев: КАК ТРУДНО БЫТЬ СОБОЙ

Вы помните свой первый концерт в профессиональном качестве?

— Конечно. Мы дали его в декабре 1973 года в деревне Лойма недалеко от Сыктывкара. Стоял страшный мороз, и в клубе, располагавшемся в здании бывшей церкви, было так же холодно, как и снаружи. Первое, что мы сделали, — обкололи лед с дров, решили протопить церковь, дабы не замерзнуть, пока соберется публика. Разожгли изразцовые печи, а вьюшки открыть забыли — дым валит в помещение. Однако разобрались со всем, проветрили зал, и к началу концерта в клубе было тепло и уютно.

— А зрители собрались?

— Пришла вся деревня. Да, собственно, куда ей деться, чем время убить в долгий декабрьский вечер? А тут молодые ребята, девчата играют, поют, пляшут — веселье.

Вот так для «Эхо» начался первый период его концертной жизни, период, затянувшийся на долгие шесть лет. Мы выступали в колхозах, совхозах, перед лесниками, геологами, добытчиками нефти и газа. Изъездив вдоль и поперек республику Коми, потихоньку стали выбирать и за ее пределы по обмену с филармониями других краев и областей. Съездили, помню, на БАМ, Саяно-Шушенскую ГЭС, в Братск, Ангарск, Усть-Илимск. По Колыме накрутили пятнадцать тысяч километров. На каком-то перевале, помню, у нашего автобуса заглох мотор. Мотор заглох — кончилось тепло, и, чтобы не замерзнуть, мы выла-

мывали из-под снега ветки елок, листовниц, жгли костер. Под одним из деревьев весьма кстати нашли мерзлого зайца. Ведь не собирались застрелять в дороге и никакой еды с собой не взяли. Ободрали добычу, зажарили на углях, съели. Только через сутки на нас наткнулась встречная машина. Ее шофер дал нашему какую-то катушку, он поставил ее, и мотор автобуса завелся. Теперь, думаю, понятно, почему в «Эхо» была такая большая текучесть?

И все-таки, вспоминая тот невероятно трудный период, я порой прихожу к выводу, что он был в определенном смысле полезен и необходим. Теперь меня ничем не испугаешь. Если завтра из этого прекрасного номера в «Россию» я неожиданно попаду в захудалый Дом колхозника заштатного городка, поверьте, сразу же пре-

красно во всем ориентируюсь: начину картошки, воткну кипятильник, все загудит, завертится, все будет сыты и довольны.

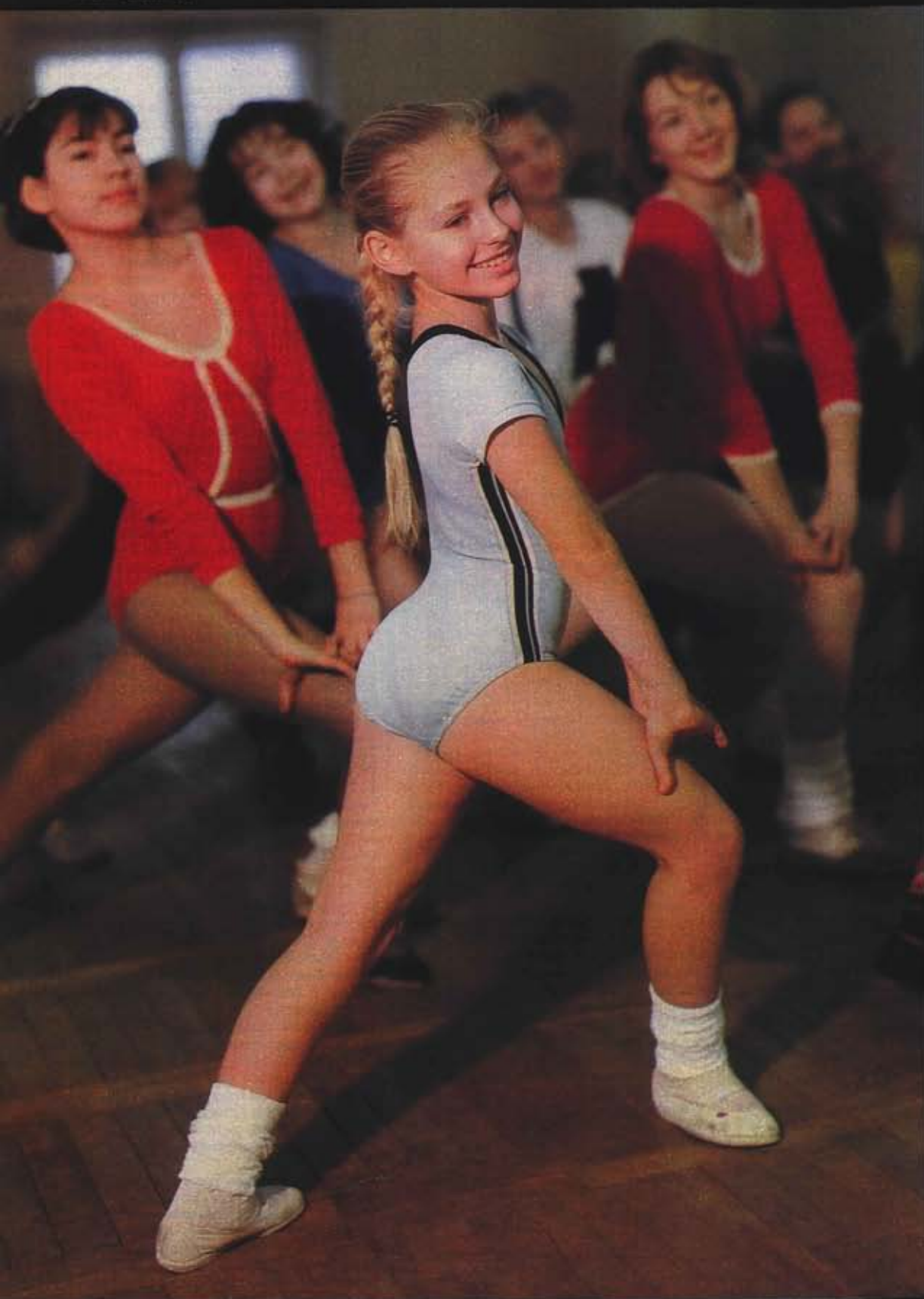
Что говорить, трудности выработали правильное отношение к жизни, более глубокое понимание ее. Они помогли трезво взглянуть на избранный род деятельности и, если хотите, даже на жанр и собственное место в этом жанре. В общем, польза была. Беда только, что экстремальный период затянулся. Нельзя столько лет вымаривать людей в ожидании, что им когда-нибудь подфартит...

— Но, наверное, даже в то время вы о чем-то мечтали, строили какие-то планы относительно своей карьеры? Скажите откровенно, вам хотелось стать «звездой» эстрады?

— Какой артист не мечтает, не строит радужных планов? Стать «звез-

МАША И ТВО

Сергей
ИСТОМИН

-Болталина здесь учится? — Дежурная по школе, задавала девятиклассница, прервав своим появлением урок в 6 «А», старалась говорить строгим голосом. — К директору!

В коридоре маленькая Маша едва-едва поспежала за ней. И так путь до директорского кабинета недолгий, а тут еще и спешить приходится — не успеешь вспомнить, что и натворила... Признаться, конечно, лучше самой, но в чем?

— Письмо тебе, Мария, — с порога погасил ее трепетное любопытство директор. — Из Мангышлака. Но почему, интересно знать, оно на школу пришло? Домашний адрес ты дать не могла?

А она и школьного-то никому не давала. Просто пришел на телевидение корреспондент газеты, посмотрел, как здорово она всевозможные упражнения в передаче «На зарядку становись!» исполняет, и спросил, где Маша учится. Она и ответила — в 521-й московской школе, в 6 «А». Староста класса и почти отличница. А потом в газете крохотная заметка появилась. Только слово «почти» из текста выскочило.

— А у меня, между прочим, в первой четверти даже по физкультуре четверка была. Я тогда кросс медленно пробежала. Да и сейчас, в третьей, тоже пока четверка выходит — по русскому.

— По физкультуре действительно как-то не солидно. Но ведь ты, Маша, кроме гимнастики на телевидении, еще и четыре раза в неделю ходишь на репетиции ансамбля спортивного танца. Может, с физкультурой получается перебор и в школе она тебе просто неинтересна?

— Нет, что вы! Это я на тот кросс попросту не настроилась. У нас преподаватель физкультуры Сергей Рамилович Нагорный. Занятия у него интересные, веселые, без ненужных пауз. Если, к примеру, кто-то на перемене в буфете задержался или на уроке чересчур разбаловался, то сам в дневнике у себя и пишет: «Я опоздал на урок» или «Я мешал учителю», и оба они — вместе с Сергеем Рамиловичем — подписываются.

— А по телевизору ты себе нравишься?

— Во-первых, чтобы на себя посмотреть, рано вставать приходится. Нас ведь записывают заранее, а показывают по воскресеньям в 8 часов утра. Во-вторых, камера меня все-таки несколько сковывает. На сцене я гораздо свободнее себя чувствую.

— И в выступлениях вашего ансамбля спортивного танца Дворца культуры «Серп и молот», и в зале телецентра тебе неизменно отводится первый план...

— Так я же самая маленькая в обеих группах! Кто ж меня из задних рядов разглядит?! Метр тридцать шесть всего. Не так давно за месяц сразу на полтора сантиметра выросла, но затем дело и застопорилось. Нет сдвигов ни на миллиметр... Мне из-за роста в свое время художественную гимнастику бросить пришлось. А ведь до второго взрослого разряда дошла. Но тренер Галина Ивановна сказала, что не видит у меня перспектив — будущее, оказывается, за высокими девочками. Хорошо, что ансамбль спортивного танца вовремя образовался. Его руководитель, Анна Евгеньевна Гусевская, не считает, что малый рост мешает красиво танцевать.

— И что же вы танцуете?

— А мы все можем. И русские народные — видели нашу «Парашку»? И рок-н-ролл, и брейк. Причем наш брейк по акробатике сложнее. Недавно городской конкурс был, зрителей собралось — я столько никогда не видела. Особенно мальчишек много было, некоторые из первых рядов над нами посмеивались — ничего, дескать, тут сложного нет. А самый пижонистый из них даже на сцену после нашего выступления поднялся, хотел показать, что не хуже может. Начал, сам себе подпевая, и на первой же фигуре грохнулся. Потом за кулисы приходил, просил еще раз показать, как это делается.

— Если бы тебе вдруг предложили стать руководителем ансамбля, что бы ты изменила?

— А я им буду. Обязательно. Мечты, они ведь существуют, чтобы сбываться, верно? Мой ансамбль будет выступать как можно чаще, хоть каждый день, если зрители попросят. И всякий раз — в новых костюмах. И на телевидении нас будут записывать, представляете? Только вот показывали бы не с раннего утра...

...Она возвращается по коридору из директорского кабинета. Дорожка уже знакомая — надо же, десяток строк в газете, и школу уже забросали письмами. И всем Маша Болталина должна ответить, посоветовать, помочь. Тепло и с улыбкой. Иначе нельзя — ее ведь показывают по телевизору на всю страну.

Юрий НАГИБИН

Никогда жизнь не баловала Манделъштама. Он не был ни ловок, ни уживчив, ни победителен, ни удачлив, начисто чужд конформизма, даже в той небольшой мере, что приметна у Пастернака, он всегда шел вразрез и не знал внешнего, житейского счастья. Семнадцатилетний Манделъштам писал: «Я от жизни смертельно устал. Ничего от нее не приемлю», и это не было кокетством. Он задыхался в семье, «трудной и запутанной», постоянно менявшей квартиры (отец — неудачливый коммерсант — то и дело прогорал), это не давало образоваться той плодотворной теплой привычке к месту, что питает душу и память; томился в неприменном летнем Павловске — «городе дворцовых лакеев, действительных статских вдов, рыжих приставов, чахоточных педагогов (жить в Павловске считалось здоровее) и взяточников, скопивших на дачу-особняк», этом «Эллизиуме», неотделимом от своего музыкального вокзала, где «железнодорожные звонки мешались с патриотической какофонией увертюры двенадцатого года». И Манделъштам убежал из родного дома в Берлин, там его засунули в религиозную школу, но вместо божественных книг он зачитывался Шиллером.

С поэзией пришло иное дыхание. Плюгавый быт перестал давить безвыходностью. Свободу давали стихи. Уже через год после тех усталых строк он вопрошал, кого благодарить за «радость краткую дышать и жить?». Он рано осознал свою молодую поэтическую силу:

*На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло,
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.*

Манделъштам не знал ни робости, ни наглости ученичества. Он сразу стал писать «как Манделъштам». Вот одно из самых первых его стихотворений:

*Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...*

Здесь уже весь «Камень», так назывался первый сборник его стихов.

Если не было счастья в той зоревой поре — для этого он слишком рано ощутил качание «рокового, неутомимого маятника» судьбы, то были прорывы радости, острое наслаждение от пребывания в мире, из чего выработалось стойкое жизнелюбие, очень пригодившееся ему на черном закате жизни. Уже испытанный одиночками, холодом и хворью, проверив на разрыв душу единственно близкого человека и не одолев безмерного терпения, потеряв все и вся, кроме преданности до гроба и за гробом великой поэтессы и поклонения удивительного актера, с «запечатленным» голосом, он славил воронежскую весну:

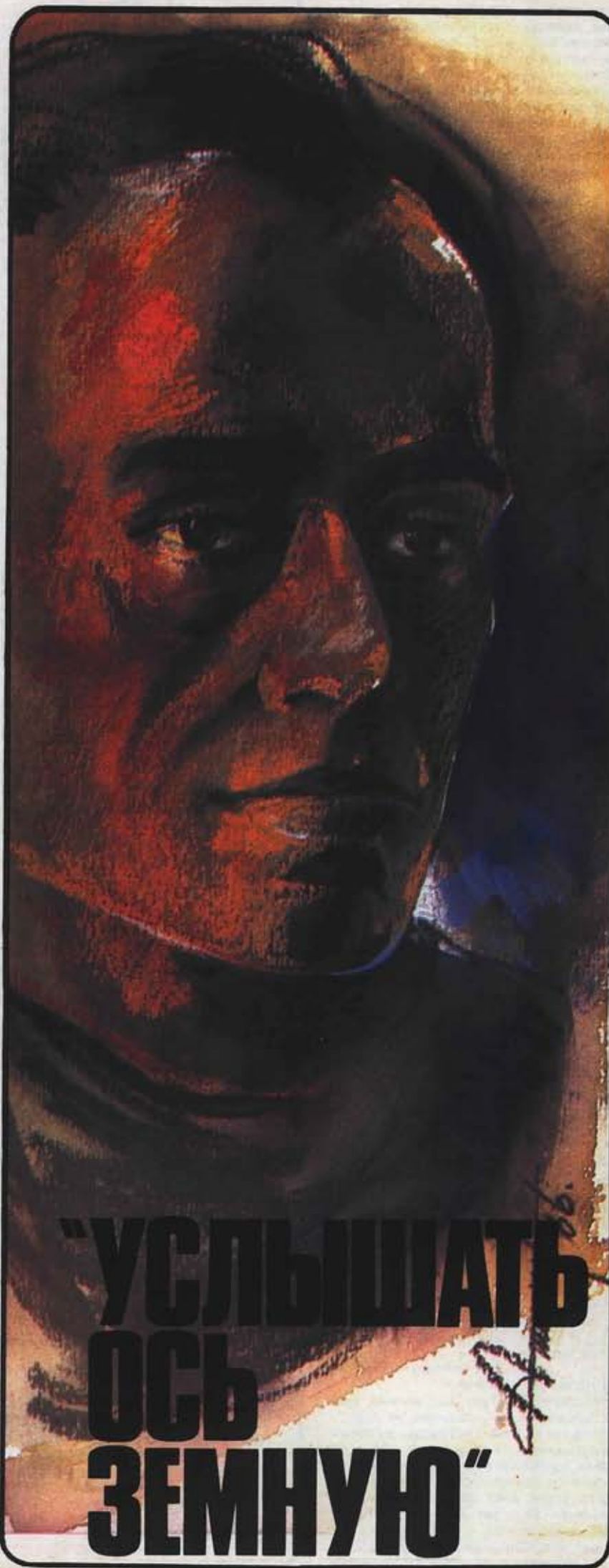
*Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел.
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь молчит*

в апрельском повороте —

*А небо, небо — твой Буонарроти!
Последней воронежской зимой он с великим достоинством осознанной правоты благословлял свою жизнь:
Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и голодом, и вьюгой.
В роскошной бедности,*

в могучей нищете

*Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те
И сладкогласный труд безгрешен.
Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай собак и ветер косит,
И беден тот, кто сам полуживой,
У тени милостыни просит.*

Наголодавшийся, он уже не просит сытного «пая», как в начале ссылки; отряхнув все телесное, будто прах с подошв, он хотел лишь «Услышать ось земную, ось земную...».

Молодой Манделъштам принадлежал к школе Николая Гумилева — к акмеистам. Его соратниками были Анна Ахматова, Сергей Городецкий, Владимир Нарбут, Георгий Иванов, Михаил Зенкевич. Но все литературоведческие определения оказываются бедными и пустыми, когда их прилагаешь к таким явлениям, как Осип Манделъштам, хотя сам поэт очень носился со своим акмеизмом. Особенно рьяно отстаивал он акмеизм в пору жестоких гонений на это литературное течение. Потому и отстаивал: быть гонимым и с гонимыми — знатный удел Манделъштама. Акмеизм возник как реакция на символизм. Надоели туманы, иносказания, беспредметность, неназванность, реющие тени и лунный свет в качестве основного строительного материала поэзии. Захотелось вещественности, плотности, определенности, предметности. Пусть сам Манделъштам сердился на пресловутую «вещественность» акмеизма.

Судите сами:

*Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.*

Тут нет ничего, кроме хмельной радости называть пребывающее в мире легкими и точными словами.

Вот как он сам исчерпывающе и сжато сказал о сути акмеизма: «Прочь от символизма, да здравствует живая роза!» Так он был просто реалистом, наш поэт! Новую русскую поэзию Манделъштам вел от Иннокентия Анненского, обладавшего внутренним эллинизмом, адекватным духу русского языка. А что такое «эллинизм» по Манделъштаму? «Эллинизм — это печной горшок, ухват, крынка с молоком, это домашняя утварь, посуда, все окружение тела; эллинизм — это тепло очага, ощущаемое, как священное, всякая собственность, приобщающая часть внешнего мира к человеку, всякая одежда, возлагаемая на плечи любимым. Эллинизм — это всякая печка, около которой сидит человек и ценит ее тепло, как родственное его внутреннему теплу».

Да ведь все это пушкинское, хотя Александр Сергеевич никак не определял свою поэзию.

И вдруг этот акмеист переставал верить в истинность слова, в его соответствие сути, молчание обещало куда больше, чем звучащая речь:

*Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:
Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.*

И это не мимолетная утрата веры в могущество слова, — с ликующей убежденностью, что истинен лишь неназванный мир, не овеществившаяся в конечный образ красота, закликает Манделъштам:

*Останься пеной, Афродита,
И слово в музыку вернись,
И сердце сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!*

Но как естественно и легко меняется мировосприятие Манделъштама, как просто переходит он из одного состояния в другое! Только что он пел надматериальное:

*Образ твой мучительный и зыбкий
Я не мог в тумане осознать.
«Господи!» — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.*

И вот уже он отвергает источник всякой зыбкости, размытости, расплывчатости, грезовой отвлеченности — луну, разжаловав ее в... циферблат.

ства, которые отлично могут быть выражены прозой, нельзя передать иной речью. Даже словом «музыка», ибо и оно лишь намекает на тайну.

Этой магии исполнена вся поэзия Манделштама. И потому каждое стихотворение куда больше своего прямого содержания, очарования лада, строя, рифм и образов.

Когда пронзительнее свиста
Я слышу английский язык —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

И вы, читающие эти строки, слышите прежде всего свист, чисто английский зубной присвист, который завораживает, переносит в иные пространство и время и лишь в самом конце отпускает, чтобы ахнуть горестным, рвущим образом качающегося в петле банкрота, чьи «клетчатые панталоны, рыдая, обнимает дочь». Что вам за дело до этого неудачника давней поры, чужой земли? «Клетчатые панталоны» сделали его вашим бедным братом в человечестве. И все же завораживает стихотворение не щедростью точнее отобранных деталей, а все той же магией, которую сейчас мне хочется определить как таинственное свечение за плотной очевидностью слов.

Нередко слышишь утверждение, что проза — проверка поэта. Почему? Считается, что проза изначально. Но легче поверить, что первая речь наших предков приближалась к поэзии. Во всяком случае, ей надлежало быть ритмичной. Едва брезжащее сознание дебилов глухо к словам и музыке, но отзывается ритмам. Можно предположить, что на заре сознания двуногие существа с освободившимися передними конечностями прибегали для общения к ритмическому звукоряду. А это ближе к поэзии, чем к прозе. Скорее всего, завораживает пример Пушкина и Лермонтова, равновеликих в поэзии и прозе. Но ни Тютчев (четыре политических статьи), ни Некрасов (хорошая критика и слабые романы), ни Фет (бедность вполне житейских мемуаров, посредственный рассказ) не выдерживают проверки прозой. Блоковская проза, сухая, четкая, деловитая, вызывающе непохожа на его поэзию. Но великолепна проза Сологуба, Пастернака, Ахматовой, Цветаевой, список можно довести до сегодняшнего дня. Стало быть, бывает и так, и сяк. Проза Манделштама равна его стихам, хотя мало похожа на них, если говорить о беллетристике. Другое дело — изумительное исследование о Данте — это продолжение его поэзии. Прозу Манделштама отличает блистательное остроумие. Он не принадлежал «к тем высоким душам, которые лишены чувства юмора» (выражение Томаса Манна о Стриндберге). Проза вышеназванных поэтов-прозаиков безулыбчива, как Христос. Сологубовский «Мелкий бес» остросатиричен и страшен, проза остальных вне юмора. Читая некоторые пассажи в «Египетской марке», во многих очерках и зарисовках, нельзя удержаться не то что от улыбки — от громкого смеха. До чего же широка клавиатура Манделштама!..

Всех русских поэтов мы до сих пор «прикидываем» к Пушкину, забывая, что после пушкинского выученика Лермонтова отечественная поэзия пошла и по другому пути. С Тютчева возродилась державинская нота и державинская дисгармония, передалась Фету, Иннокентию Анненскому и «молодому Державину» (Марина Цветаева обладала редким для поэта даром безоглядно влюбляться в чужую музу).

Манделштам достойно продолжил философскую и политическую лирику Тютчева. В одном лишь он решительно отличается от своего предшественника, величайшего любовника в русской поэзии: у него почти нет любовных стихов. И это поразительно, ведь он был влюбчив и страстен. Стихи, посвященные Ахматовой, — речь поэта к поэту.

Его руку толкали к перу не женские образы, а тайны мироздания, спор с веком, Средиземноморье, лики гениальных творцов, Россия, Петербург, собственная душа — частица вселенской души.

СМЕНА

ОТКАЖИТЕСЬ ОТ НОРМЫ

Джон УИНДЕМ

В произведениях знаменитого английского фантаста много и плодотворно разрабатывалась тема столкновения земной цивилизации с серьезными испытаниями глобального характера. В наши дни, когда угроза ядерной катастрофы реально нависла над планетой, полный глубоких философских раздумий и прозрений роман звучит как предупреждение, как призыв к человечеству задуматься о своем будущем.

Научно-фантастический роман

Рисунок Бориса Солонина

— Джонни!.. Ох, Джонни! Этот его ужасный отец... Я боюсь его!..

Стоя рядом с ней, я отчетливо видел все ее мысли. Они были для меня гораздо понятнее, чем любые слова. Я знал, что она чувствует, знал, как страстно хочет она, чтобы я уехал с ними, и как хорошо она знает и понимает, что я не могу, не должен ехать. Я знал, каков будет ответ, еще задолго до того, как Джон Уэндер произнес первое слово.

— Я все понимаю, Марта!— сказал он.— Пойми, больше всего на свете я боюсь за Софи... И за тебя. Если нас все-таки поймут, то обвинят уже не только в сокрытии отклонения, но еще и в похищении ребенка, понимаешь?

— Джонни! Если они отберут у нас Софи, мне уже нечего будет больше терять! Какая разница?!

— Есть разница, родная,— мягко возразил мне Уэндер.— Когда они убедятся, что мы убралась из их района, они успокоятся: пускай за нас теперь отвечают другие. Но если исчезнет сын Строрма, поднимется вой на всю округу, и у нас не останется ни единого шанса. Они нас из-под земли достанут! Это не просто риск. Это конец!

Несколько секунд она молчала. Я знал, о чем она думает. Ее руки обвилились вокруг моей шеи, и она медленно проговорила:

— Ведь ты понимаешь это, Дэви? Если ты уйдешь с нами, твой отец будет так зол, что вряд ли нам удастся убежать. Я... я бы очень хотела, чтобы ты был с нами, но... Ради Софи, ради нее, Дэви, ты не должен этого делать! Будь умницей, пожалуйста! Ведь, кроме тебя, у нее нет друзей. Ты должен остаться ради нее! Ты... ты сделаешь это, Дэви? Сделаешь, как я говорю?..

Ее слова лишь подтвердили то, что я и так уже знал по ее мыслям— знал гораздо лучше, чем с ее слов. У меня не было выбора, но не было и сил сказать хоть слово в ответ, и я лишь молча кивнул... И долго стоял, прижавшись лицом к ее рукам, а она обнимала меня так, как еще ни разу в жизни меня не обнимал никто. Как ни разу в жизни меня не обнимала моя родная мать...

3

Они закончили собираться еще до наступления сумерек. Когда все было готово, мистер Уэндер отвел меня в сторону.

— Дэви,— помолчав, сказал он.— Я знаю, что ты любишь Софи. Ты вел себя, как настоящий мужчина, и сделал для нее все, что мог. Но есть еще одна вещь, которую ты можешь сделать и которая поможет ей. Ты... ты сделаешь это, Дэви?

— Да,— твердо сказал я.— Я сделаю все, что вы мне скажете, мистер Уэндер.

— Когда мы уедем,— сказал он,— не возвращайся домой сразу. Ты мог бы побыть здесь... Ну, скажем, до утра? У нас тогда было бы больше времени, понимаешь? Ты... побудешь?

— Да,— ответил я, и он пожал мне руку, как мужчина мужчине. Мне стало чуть легче от этого рукопожатия. Я почувствовал себя сильнее, а главное, всей душой ощутил, что кто-то во мне нуждается. Во мне и в моей помощи. Нечто похожее я почувствовал еще в нашу самую первую встречу с Софи, когда она подвинула лодыжку...

Мы подошли к лошадям, и Софи протянула мне руку. В кулачке у нее было что-то зажато.

— Это тебе, Дэви,— сказала она.

Я протянул свою руку, и она вложила мне в ладонь прядь своих каштановых волос, перевязанных желтой ленточкой. Потом она обвила мою шею своими ручонками и поцеловала меня прямо в губы, а я стоял и смотрел на эту тоненькую прядь...

Отец взял ее на руки и усадил на лошадь. Миссис Уэндер поцеловала меня так же нежно, как до этого сделала ее дочь, и прошептала:

— Прощай, Дэви... Прощай, мой милый.— И, потрогав ссадины на моем лице, одними губами шепнула: — Мы... мы не забудем этого, Дэви! Никогда не забудем...

Они тронулись в путь. Джон Уэндер одной рукой правил лошадьми, другой обнимал жену. На опушке леса они остановились и помахали мне на прощание. Я махнул рукой в ответ, и они тронулись дальше. Последнее, что я видел, была ручонка Софи, махнувшая мне перед тем, как окончательно исчезнуть среди деревьев, на которые уже тем временем спускались сумерки.

4

Домой я вернулся засветло, когда все уже были в поле. Двор был пуст, но возле коновязи стояла лошадь инспектора, и я понял, что отец дома. Я честно выполнил просьбу мистера Уэндера и надеялся, что они успели уехать уже далеко. Хоть я и твердо решил не возвращаться домой до утра, когда наступила ночь, мне стало не по себе: никогда я еще не ночевал в чужом доме. В доме Уэндеров все мне было знакомо, но в опустевших комнатах чудились какие-то шорохи и скрипы. Я нашел несколько свечных огарков, зажег их, растопил печку, и потрескивающие поленья немного развеяли мои страхи. Но и внутри дома, и снаружи мне долго еще мерещились странные шорохи и непонятные звуки...

Я сел у стены так, чтобы вся комната была у меня

перед глазами. Временами страх подступал к горлу, становился невыносимым, и только мысли о Софи приковывали меня к скамейке. Но я ни на секунду не мог забыть, что снаружи—кромешная тьма, а я здесь—один-одинешенек.

Так прошла вся длинная ночь, и ничего страшного со мной не случилось. Где-то среди ночи я набрался храбрости, поднялся со скамейки и прилег на кровать. Долго я смотрел на пламя свечей, с ужасом думая, что будет, когда они погаснут. В конце концов они действительно погасли и... В окна брызнули лучи солнца. Должно быть, я все-таки уснул.

У Уэндеров я нашел кусок черствого хлеба, но, вернувшись домой, снова ощутил сильный голод. Впрочем, с едой можно было и подождать. Единственное, чего мне сейчас по-настоящему хотелось, это проскользнуть незамеченным в свою комнату и притвориться, будто я просто-напросто проспал рассвет. Но мне не повезло.

Когда я крался по двору, из кухни меня увидела Мэри и крикнула:

— Скорей иди сюда! Тебя все давно ищут, ты где был?!—И, не дожидаясь моего ответа, добавила:— Отец в бешенстве. Немедленно иди к нему, а то будет еще хуже!

Отец сидел с инспектором в комнате, которой мы редко пользовались. Я вошел в самый неподходящий момент: инспектор внешне казался спокойным, но отец был просто вне себя.

Я подошел к нему.

— Где ты был?—спросил он тоном, не сулящим ничего хорошего.— Тебя не было дома всю ночь! Ну? Где ты был, я спрашиваю?!

Я молчал. Он выпалил еще несколько вопросов, и я не ответил ни на один из них, хотя ноги мои дрожали от страха: никогда еще до сих пор я не видел его в такой ярости.

— Ну ладно,— скрипнул он зубами,— никакое записательство тебе все равно не поможет. Кто была эта... эта нечисть, с которой тебя видели вчера?!

Я молчал по-прежнему. Отец стал приподниматься со стула, но тут вмешался инспектор.

— Дэвид,— сказал он вполне миролюбиво,— сокрытие богохульства, в особенности когда речь идет о подобию человека, вещь очень серьезная, и я хочу, чтобы ты понял это. За подобное укрывательство людей сажают в тюрьму. Долг и обязанность каждого—немедленно сообщать мне о любом отклонении, даже о любом сомнительном случае. Здесь же, если только эвринский мальчишка не ошибся, речь идет о явном отклонении от НОРМЫ, о самом настоящем кощунстве. Он сказал, что эта... этот ребенок... Словом, что у нее на ноге шесть пальцев. Это правда, Дэвид?

— Нет,— с трудом выдавил я.

— Он лжет!—крикнул отец.

— Ну что ж,— протянул инспектор,— если это неправда, то ничего страшного не случится, и ты можешь нам честно сказать: кто она и откуда? Ведь так, Дэвид?

Я ничего не ответил ему, да и что мне было сказать? Мы молча смотрели друг на друга.

— Ты не можешь не согласиться со мной, Дэвид,— терпеливо и настойчиво добивался от меня ответа инспектор.— Если все это неправда...

— Хватит!—резко перебил его отец.— В конце концов это мой сын, и справиться с ним—мое дело. Ступай к себе!—бросил он мне, даже не взглянув при этом в мою сторону.

Одну секунду я колебался. Я хорошо знал, что означало его «иди к себе», но я знал и то, что в том состоянии, в каком был сейчас отец, он избьет меня независимо от того, скажу я правду или нет. Я повернулся и пошел к двери. Отец двинулся за мной, прихватив со стола хлыст.

— Это мой хлыст,— ледяным тоном произнес инспектор.

Отец, казалось, не расслышал его... Тогда инспектор встал с места и повторил фразу так, что отец поневоле остановился. Секунду или две он с яростью смотрел на инспектора, потом швырнул хлыст на стол и вышел вслед за мной...

5

Не знаю, где была в это время мать. Может быть, она просто боялась отцовского гнева. Ко мне зашла Мэри, помогла раздеться и лечь в кровать. Она не могла удержать слез. Я же изо всех сил старался держаться стойко, пока она была рядом. Но когда она, дав мне выпить горячего бульона, вышла из комнаты, слезы хлынули у меня из глаз. Я ревел не от боли, вернее, не от физической боли, а от стыда и беспомощности: с отчаянием я сжимал в руке прядь каштановых волос, перевязанных желтой лентой, и, захлебываясь в рыданиях, бормотал:

— Я ничего не смог сделать... Софи... Я ничего... ничего не смог!..

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

Продолжение следует.

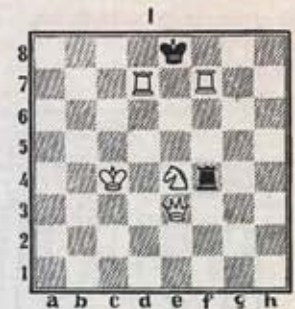

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

К группе обязательных требований, предъявляемых к шахматным задачам, относятся требования **решаемости** и **единственности решения**. Первое означает, что задание должно выполняться во всех вариантах задачи не более чем в заданное число ходов, второе—что задание выполняется лишь одним, задуманным автором путем. Если начиная с первого хода задача решается другим, не замеченным автором способом, говорят, что она имеет **побочное решение**, которое лишает ее права на существование.

Третий тур

Белые: Крс4, Фе3, Лд7, Лф7, Ке4 (5)
Черные: Кре8, Лф4 (2)
Мат в 2 хода (1 балл).

Белые: Крh5, Фс3, Лf6, п. с4, е5, f5 (6)
Черные: Крf4 (1)
Мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Кре6, Ле1, п. е7 (3)
Черные: Кре8, Се5 (2)
Мат в 4 хода (2 балла).

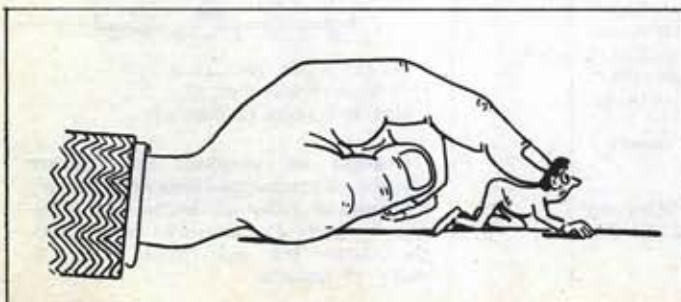
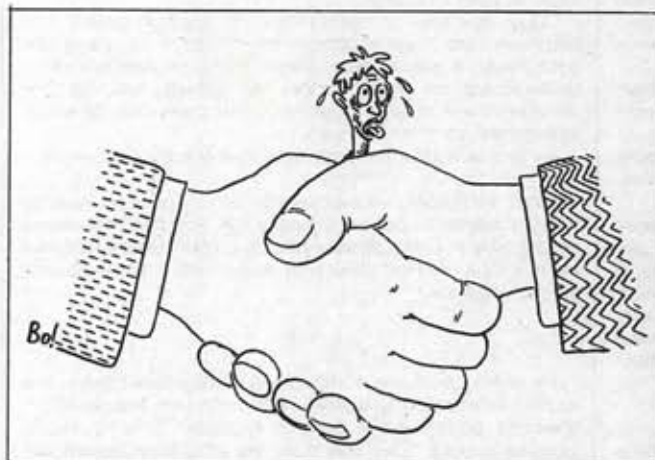
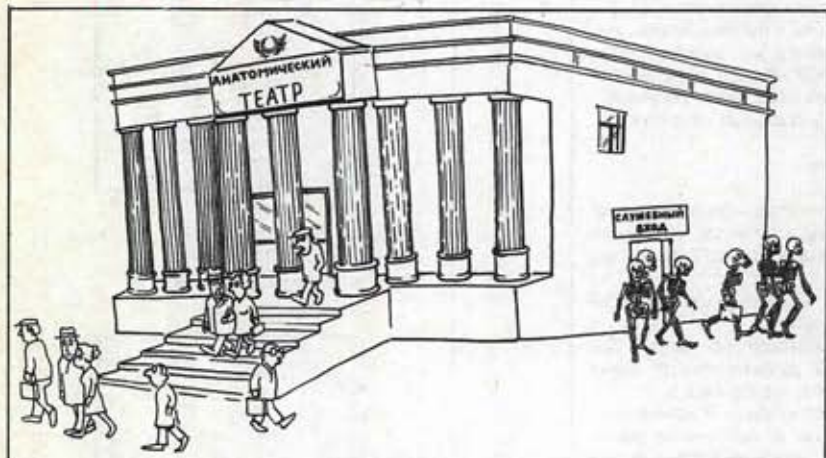
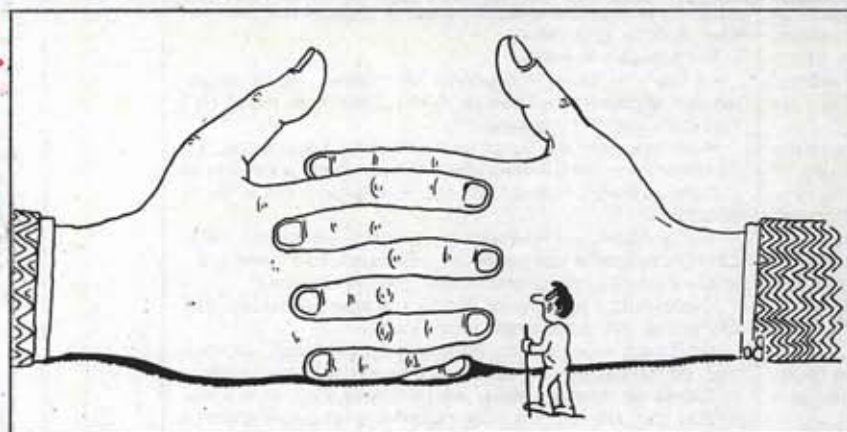
Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 3-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штампу) — 15 апреля.

У Петра Воскресенского очень серьезная профессия: он врач-хирург. Но и коллеги, и студенты из 2-го Московского мединститута прямо-таки хохочут на лекциях, когда кандидат медицинских наук Воскресенский сопровождает их собственноручными иллюстрациями. Петр рисует с детства, умудрился даже окончить студию молодого карикатуриста при редакции журнала «Крокодил». Но впервые свои карикатуры он опубликовал в «Смене». Участвовал в разных выставках, в том числе и в болгарском городе Габрово. Работе это увлечение не помеха, ведь в карикатуре, считает Петр, так же, как и в хирургии, нужны острый глаз и твердая рука.

ПЕТР ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Читайте в ближайших номерах «Смены»:

Делегат съезда комсомола — школьница из Ярославля чемпионка мира по акробатике Анастасия Бабанина.

Представляем Международный юношеский турнир по футболу на приз журнала «Смена».

«Автобиография». Майя Плисецкая.

Неснятые фильмы режиссера Динары Асановой.

Ираклий Абашидзе: Пушкинское наследие.

Письмо мужчины, обиженного на женщин.

«Кроты». Анатомия мирка спекулянтов.

Рассказы Вениамина Каверина.

Подписка на «Смену» не закончилась. Вы можете выписать наш журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

Кроссворд — игра, сочетающая занимательность и доступность. Может быть, именно поэтому популярность ее все время растет. «Смена» ежегодно получает сотни писем с кроссвордами или о кроссвордах. Многие читатели, в частности В. Беляевский из Алушты, Д. Иванников из Дивногогорска, М. Тряцкина из Алма-Аты, просят напечатать правила составления кроссвордов, принятые в нашем журнале.

Кроссворд начинается с сетки (рисунка). Наш журнал остановился на ее классическом типе как наиболее понятном широкому читателю. Сетку читатель обязательно должен придумать сам. Она не должна в точности повторять ни одну из появившихся в печати. Требования к сетке:

1. Она должна быть изящной, симметричной полностью или попарно-двусторонне (может быть и закрученной по спирали) и не распадаться на отдельные части.

2. Размер — не больше 21 клетки по горизонтали и 25 по вертикали. Число позиций — от 40 до 75 (как правило, их не должно быть меньше 50).

3. Чем меньше черных (пустых) клеток, тем лучше. Недопустимы сочетания из двух и более черных клеток. Слова могут быть любой длины, начиная от двухбуквенных. Но слов из двух, трех и четырех букв не должно быть слишком много. Изящество и законченность кроссворду придают длинные слова.

Такая сетка, характерная частым пересечением слов, позволяет, не очень затрудняя разгадывание, брать как простые, так и редкие понятия, имена и т. д.

Однако не следует усложнять ее в ущерб содержанию. Стремитесь заполнить ее интересными и самыми разными (даже тематически) словами. Причем простых слов обычно должно быть больше, чем сложных, редких. Не надо загадывать названия болезней, бытовых приборов, чисто религиозные и монархические слова, малые планеты, а также слова неблагозвучные и вызывающие неприятные ассоциации.

Основные требования к словарному составу:

1. Слова берут в единственном числе именительного падежа (в цитатах допустим и винительный падеж). Во множественном числе можно загадывать названия народов и жителей государств, городов и т. д., парные предметы, слова, у которых нет единственного числа. Названия произведений в одно слово можно брать любые.

2. Имен собственных не должно быть больше одной трети от всех загаданных слов. Начальные буквы зашифрованных слов должны как можно шире отражать алфавит. При этом на одну букву не берут больше 10 процентов от всех загаданных (если всего слов, скажем, 59, то на одну букву не больше 5). В ответах не может стоять больше двух слов подряд на одну букву. Личные имена берут только как персонажи произведений либо принадлежащие известным людям.

3. Из населенных пунктов можно брать столицы, города, порты, пристани, курорты и достопримечательные места.

4. Нельзя загадывать больше трех однородных понятий (скажем, птиц, химических элементов, городов).

5. Слов с правильным чередованием не должно быть больше половины от всех загаданных (агава, базар, иней).

6. Слова надо стремиться чаще пересекать на согласных, а не на гласных буквах. Это упрощает разгадывание.

Самая трудная часть работы над кроссвордом — толкование загаданных слов. Даже обычные определения чаще всего нельзя просто переписать из словарей и энциклопедий, где они нередко слишком специальные или неоправданно растянутые. А в кроссворде определение должно быть универсальным, житейским, понятным каждому читателю.

Часть определений обязательно должна быть познавательной, занимательной, интригующей. Искать их надо прежде всего в научно-популярной литературе, газетах и журналах, других источниках. Проще сначала накопить достаточный запас таких определений, а затем уже слова под них загадывать в кроссворде. Если долг искать, можно

интересно зашифровать самое, казалось бы, простое слово. Возьмем, например, лигу. Почти всегда ее определяют так: лиственное дерево. Определение уже приелось, главное, не сообщает ничего интересного. Между тем можно найти множество других определений: любимое дерево игрушечников; «медовое» дерево; дерево, стоящее за названием цикла И. А. Бунина «Темные аллеи»; дерево, под которым Левин нашел Кити с ребенком во время грозы («Анна Каренина»). И так без конца.

Все животные и растения в кроссворде обязательно должны быть определены оригинально, лучше познавательно. Недопустимы научные термины «отряд», «семейство» и т. д.

Никакое загаданное слово или однокоренное с ним нигде не должно встречаться в определениях. Недопустимы также неопределенные слова типа «что-либо», «где-нибудь» и подобные (их можно брать только в цитатах из литературных произведений).

Кратко об оформлении. В редакцию надо присылать две аккуратно сделанные сетки с четко заштрихованными черными клетками. Одну заполняют цифрами, обозначающими позиции, а вторую — загаданными словами.

Определения слов оформляйте так:

1. Камень — древнерусское название Уральских гор (Мезенин — 4).

Каждую новую позицию начинайте с новой строки и пишите при этом на одной стороне листа разборчивым почерком либо на машинке. В конце работы расшифруйте источники толкования, обязательные к каждому слову. В данном случае: Н. Мезенин. Уральский металл. М., Металлургия, 1981. Страница указана сразу. Указывать надо именно источник определения, а не просто загаданного слова. Если вы указали источник, где слово стоит во множественном числе, то нужно указать и другой, где оно есть в единственном.

Каждый читатель, с достаточной полнотой выполнивший все пункты правил, может рассчитывать на публикацию своего кроссворда в «Смене».

Конкурс кроссвордистов. Первое задание

По напечатанной здесь сетке надо составить кроссворд, ни в чем не отступающий (кроме случая, оговоренного ниже) от правил, изложенных в статье «Гимнастика ума». В кроссворд можно включать любые дозволенные правилами слова. Но при этом надо постараться загадать как можно больше слов на тему «Искусство и литература». Таковыми жюри будет считать все слова, непосредственно относящиеся ко всем видам искусств — как основным, так и прикладным, к литературе, мифологии, фольклору, а также любое слово вообще, которое участник конкурса сумеет «привязать» к теме посредством интересного определения. Скажем, шахматы — игра, которой увлекались Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Достоевский и другие русские писатели. Или, допустим, пастушество — профессия, с которой в греческой мифологии часто связана музыка.

Победителей жюри определит по набранным очкам. За каждое слово на тему «Литература и искусство» будет начислено одно очко, за каждое «музыкальное» слово — два, а за каждый музыкальный инструмент — три.

В этой сетке при 55 позициях 60 слов. Следовательно, на одну букву нельзя загадывать больше шести слов. Но в этот счет не надо включать музыкальные инструменты. Скажем, на «а» можно загадать шесть слов и еще сколько угодно названий музыкальных инструментов.

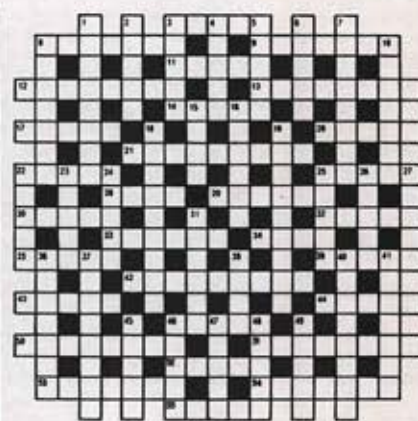
Представим, что участник конкурса сумел включить в кроссворд 45 слов, связанных с литературой и искусством, причем 32 из них по музыке, в том числе 12 названий музыкальных инструментов. За это ему будет начислено 36 очков, за оставшиеся 20 слов по музыке — еще 40 очков и 13 очков за остальные слова по литературе и искусству. То есть всего он наберет 89 очков.

К своей работе каждый участник конкурса должен приложить отдельный листок, на котором сверху крупно написана цифра — число набранных им очков, а ниже приведена система подсчета и выписаны слова отдельно по теме «Литература и искусство», по музыке и названия инструментов.

При равном числе набранных очков преимущество будет отдано кроссвордам с более интересными определениями слов. Особенно важно дать интересные, познавательные определения к инструментам, чтобы кроссворд не был монотонным.

Одну или две лучшие работы «Смена» напечатает. Победителям и еще четырем участникам редакция предоставит возможность напечатать обычный кроссворд вне очереди и наградит книгами и дипломами. Дипломы «Смены» получают также еще пятеро участников конкурса.

Последний срок отсылки конкурсной работы — 15 мая. На конверте пометьте: «Конкурс кроссвордистов-87, первое задание».

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 3

По горизонтали:

1. Эллипс. 5. Ухажер. 9. Золовка. 12. Юрский. 13. Призыв. 14. Бандура. 16. Империял. 17. Одеколон. 21. Австралоопитек. 24. Коса. 25. Росс. 26. Крестовик. 27. Чинар. 28. Форум. 29. Молодость. 30. Мата. 32. Дина. 33. Автоматизация. 38. Традиция. 41. Гирлянда. 42. Ясачная. 43. Педант. 44. Имбирь. 45. Цитраль. 46. Рюкзак. 47. ...стража...

По вертикали:

1. Эльвий. 2. Лисипп. 3. Приправа. 4. ...вождь... 6. Характер. 7. «Жизель». 8. Ревень. 10. Опал. 11. Коро. 14. Бактериология. 15. Администрация. 18. Пансионат. 19. Монополия. 20. Аксиома. 21. Астарта. 22. Колония. 23. Истукан. 31. «Эврианта». 32. «Дипломат». 34. Штопор. 35. Нардек. 36. ...удина. 37. Бальса. 39. Ясли. 40. Очерк. 41. Гаял.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1434)

февраль 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ.

Редколлегия:

Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОШЕВСКИЙ

(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ

(заместитель главного редактора)

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Сергей ВЕТРОВ

Художник
Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки;
212-13-19 — коммунистического воспитания;
251-32-84 — фотоочерка;
250-29-39 — военно-спортивный;
212-21-38 — международной жизни;
251-04-10 — литературы и искусства;
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена». 1987 г.

Сдано в набор 05.01.87.
Подписано к печати 16.01.87.
А 05012. Формат 70×108¹/₂.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50.
Тираж 1300 000 экз.
Изд. № 346. Заказ № 17.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Петр СПЕКТОР

Рослый партнер и миниатюрная партнерша застывают в центре катка. И мы, уже привыкшие к таким дуэтам, смотрим на новую пару пристрасно: не станет ли она повторением пройденного Черкасовой и Шахраем, Пестовой и Леоновичем?

Почерк мастера не спутать ни с чем. И воспитанников ЦСКА даже не специалист в фигурном катании узнает сравнительно легко — в первую очередь по подбору труднейших элементов. Но даже в сравнении с предыдущими армейскими спортивными парами программа Екатерины Гордеевой и Сергея Гринькова отличается насыщенностью элементами высшей сложности «ультраси».

Вспоминаю, как несколько лет назад приехал на одну из тренировок армейских фигуристов. Стоя у бортика, смотрел, как плавно скользит по льду Анна Кондрашова, как взмывает ввысь в тройном прыжке Александр Фадеев.

— Видишь эту девчущку? — кивнул Станислав Жук в угол площадки.

— Которая все время падает? — уточнил я.

Катя как раз в этот момент в который уже раз оказалась на льду.

Немного сморщилась от боли, потом стряхнула снежную пыль с костюма, как ни в чем не бывало подъехала к Сереже, и они снова принялись разучивать новый каскад.

— То, что падает, — не страшно, — ответил Жук.

— Характер у ребят бойцовский.

Так вот, запомни:

через несколько лет Катя с Сережей станут чемпионами мира.

— Шутите, — улыбнулся я.

— Чемпионами мира

среди взрослых, — лаконично повторил Станислав Алексеевич, словно подчеркивая, что тренировочный каток не место для розыгрышей.

Тот короткий разговор с Жуком, происшедший несколько лет назад зимним студеным вечером, я припомнил в марте 1986 года, когда счастливые Катя и Сережа поднялись на верхнюю ступень пьедестала почета первенства мира в Женеве.

И в тот момент казалось — они были в фигурном катании всегда, потому что побеждающая юность всегда внушает восхищение. А Кате тогда было четырнадцать, Сереже — восемнадцать лет.

Чем-то они напомнили многим Ирину Роднину и Александра Зайцева. Может, тем, что так же стремительно ворвались в мировую элиту.

Болельщики, испытывающие всем понятную ностальгическую грусть по ушедшим чемпионам, сразу, безоговорочно приняли юную пару, прониклись к ней доверием, которое Катя и Сережа, безусловно, оправдывают.

...Они выходят из-за кулис, проходят по прорезиненной дорожке, снимают чехлы с лезвий коньков и спустя мгновение оказываются на матовом льду, залитом яркими огнями.

На секунду Катя и Сережа застывают в центре катка.

Сейчас грянет музыка. Сейчас...

Многие думают: лед-холодный. Поверьте нам, он теплый. И нам он кажется кружком застывшего солнца. И своим катанием мы хотим, чтобы его тепло доходило до ваших сердец, дорогие читатели "Смены".

*Гриньков
Гордеева*

ЕКАТЕРИНА
ГОРДЕЕВА
СЕРГЕЙ
ГРИНЬКОВ